

Д.Н. Дебрян

тщеславие и жадность

ДВЕ ПОВЕСТИ

Николай Лейкин

**Тщеславие и
жадность. Две повести**

«Центрполиграф»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

Лейкин Н. А.

Тщеславие и жадность. Две повести / Н. А. Лейкин —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-10399-4

Николай Александрович Лейкин как всегда выпукло и ярко изображает пороки, именем которых и названы две повести этого сборника. В первой повести считающий себя выше своих «серых» собратьев купец изо всех сил старается впечатлить высшее общество, а во второй отставной чиновник, напоминающий скупого рыцаря, экономит каждую копейку даже на самом необходимом, чтобы делать вклады. Однако этим автор не ограничивается: хоть краски и намеренно сгущаются для вящего комизма, его персонажи многогранные и очень человеческие во всех своих проявлениях. Написанные больше ста лет назад, эти тексты по-настоящему актуальны в любые времена, потому что ни тщеславие, ни жадность людская не меняются. Меняются только детали, кстати, очень тонко подмеченные автором и делающие произведение интересным еще и с точки зрения отечественной бытовой истории.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-227-10399-4

© Лейкин Н. А.
© Центрполиграф

Содержание

Тщеславие	7
I	7
II	10
III	12
IV	14
V	16
VI	19
VII	22
VIII	25
IX	27
X	29
XI	32
XII	35
XIII	38
XIV	41
XV	44
XVI	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ТЩЕСЛАВИЕ И ЖАДНОСТЬ

Николай Лейкин
Тщеславие и жадность. Две повести

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024

Тщеславие

I

Разбогатевший купец Анемподист Равилович Подпругин, мужчина лет за пятьдесят, очень хорошо сохранившийся, без единого седого волоска в густой бороде и на висках, хотя и с объемистым брюшком, лежал у себя в роскошно отделанном кабинете на диване и благодумствовал. Он только что сейчас отобедал, был в дорогом шелковом халате и говорил жене, просматривавшей около его письменного стола журнал «Нива»:

– Гляжу я теперь, Ольга Савишна, вокруг себя, вглядываюсь и никак придумать не могу, чего нам еще недостает. Все есть – вот до чего мы дошли.

– Образованности у нас настоящей нет, полировки – вот чего нам не хватает, – ответила супруга, продолжая перелистывать журнал.

– Ну а уж это надо у людей перенимать, хороших полированных знакомых заводить, почаще их в гости приглашать, журфикс для них устроить и с них пример брать. Как люди, так и мы. Господи! Обезьян учат, а неужто мы-то под них потрафить не сумеем!

– Ну, уж это, знаешь, кто из какого звания, то как ни потрафляй, а всегда оно скажется. Вот меня, например, так и тянет посидеть у нас на крыльце или за воротами, а отчего?..

– Боже тебя избави это делать!

Подпругин колыхнул чревом и, вострепнувшись, прилег на локоть.

– Да знаю, знаю, что это не подходит, – успокоила его жена. – А между тем тянет. А отчего тянет? Оттого, что я раньше сиживала у папеньки и благодумствовала. Тянет.

– Вели закладывать пару лошадей в коляску и поезжай кататься, ежели тянет.

– Не тот фасон.

– Отчего не тот? Сиди в коляске и думай, что ты за воротами сидишь.

– И то же, да не то. Тут шляпка, ротонда, в коляске надо по-дамски развалившись сидеть, а меня тянет просто в обыкновенной шубке и покрывшись платком. Да ежели при этом на три копейки подсолнухов... – улыбнулась она.

– И думать не моги!

Подпругина словно что кольнуло. Он вскочил и сел на диване.

– Да знаю, знаю, что нехорошо, а между тем тянет. Я иногда тайком ем подсолнухи.

– Все-таки при прислуге? – испуганно спросил Подпругин.

– Одна только горничная Маша знает, и заказала я ей, чтобы она никому ни слова, ни полслова, ни четверть слова...

– Беда! У Маши язычечесальный звон на языке. Скажи свинье, так свинья – борову, а боров – всему городу.

– Вздор! Кажется, уж по горло задарена моими обносками. Проносить их не может, целыми котомками в деревню посылает бедным сродственникам.

– Кто, матушка, язычечесальную словесность любит, тот и рад бы удержаться, да не может. Ах, как это нехорошо, ежели это наш выездной лакей Андрей знает!

– Ничего он не может знать, потому я запершись в спальне подсолнухами занимаюсь. Маша мне их покупает, туда приносит – ну, и мы с ней вдвоем: я половину и она половину.

– С горничной?.. Ну, компания... Тогда наверное Андрей знает. У Маши с ним шуры-муры. Ах, как это нехорошо! – Анемподист Вавилович встал с дивана и прошелся по комнате. – И что за малодушество к этим подсолнухам! Ну, ела бы шоколад, сколько в тебя влезет, – продолжал он.

– Вишь ты какой! Не тот вкус.

– Ну, миндальные орехи, что ли.

– Даже и кедровыми не заменишь. Да ты не беспокойся. Ни единая душа, кроме Маши, не знает.

– Отвыкни ты от этого, Ольга Савишна. Ведь вот я от бани отвык и дома в ванной моюсь. А ты думаешь, мне это легко было? Отвык и чай пить ходить в трактир. Тянет иногда по старой подрядчицкой привычке, а уж коли сказал себе, что довольно, – ну и довольно. С какой стати? У меня всегда дома даже на настоящем серебряном подносе лакей подает.

– Да ведь и я уж от многого отвыкла. Вот ты сказал, чтоб богомолка не принимать, – я и не принимаю. Хотя, в сущности, что тут такое?..

Подпругин подумал.

– Какую-нибудь приезжую игуменью или там казначейшу мать Досифею ты можешь принимать, – сказал он, – это не вредит, это по моде, а как же простых богомолка-то в лаптях принимать!

– Да я и не принимаю.

– Ну, то-то. Ведь, так сказать, и в стукалку ничего бы играть, однако вот я, видя, что высшее общество этой игрой не занимается, бросил и стал в винт учиться.

– Уж винт! Смеялись мне насчет твоей игры, – улыбнулась супруга.

– Однако все-таки играю. Недавно с ее превосходительством Варварой Петровной играл и восемнадцать рублей отдал. Будем играть дальше – и лучше научимся. – Подпругин взял из ящика сигару, закурил ее и опять прилег на диван. – Ведь вот и к сигарам я долго не мог привыкнуть, однако привык же, курю и даже очень обожаю.

– И я к корсету привыкла. Ты видишь, теперь никогда без корсета. Разве только у себя в будуаре, пока в парадные комнаты не вышла, – похвасталась в свою очередь супруга.

– Что похвально, то похвально, и за это хвалю. Мне самому куда трудно было к фракку привыкать, но я подумал, что люди высшего звания еще слабее же нас, однако в лучшем виде его носят, ну и привык. Одно вот, на званных обедать в нем иногда тяжело, но вспомню про

весь аристократический круг и смирюсь. Ведь не хуже же они нас, да терпят. Ну и нам надо терпеть. – Он умолк и самодовольно начал поглаживать рукой грудь и чрево, но минут через пять снова обратился к жене: – Вот все думаю я, Ольга Савишна, что бы еще нам завести у себя в доме?

– Да, кажется, уж все есть, – отвечала супруга.

– То-то, что все есть. Зимний сад есть, лестница парадная с пальмами есть, меблировка по комнатам в пяти вкусах. Есть и Мавритана, есть и Помпеи, есть и ампиры, есть и насчет русского стиля удовольствие. Вот я и думаю...

– Брось, все есть. Ничего больше не надо.

– А может быть, и надо, почем ты знаешь! Может быть, чего-нибудь и нет?

– Да, право, все есть.

– Библиотеки хорошей нет. Библиотека мала.

– Полно. Зачем тебе библиотеку? Никогда сам и не читаешь.

– Для покровительства талантам. Сам не читаю, так гости будут читать.

– Когда же это гостям читать!

– Ну, просто для покровительства талантам. Потом на шкафы карты, где это самое небесное землеописание... потом глобусы всех сортов. Тут же под стеклами разные букашки и таракашки засушенные, а на крыше фонарь, и там эта самая консисто... Тьфу! Что я... А на крыше обсерватория с большим микроскопом, чтоб на небесные звезды смотреть.

– Оставь, не затевай... Всего довольно, – проговорила жена.

– Гостям всегда показать можно... Лишнее занятие. Нет, этот засад я буду у себя в голове держать. Это дело хорошее.

Попыхивая сигарой, Подпругин начал дремать.

II

Дремота Подпругина постепенно перешла в сон. Он выронил из пальцев потухшую сигару на дорогой персидский ковер, разостланный около дивана, и стал храпеть.

– Ты что же это делаешь! – воскликнула супруга, все еще сидевшая около его письменного стола и рассматривавшая иллюстрированные журналы. – Забыл, что доктор тебе после обеда спать запретил?

Подпругин быстро встрепенулся и сел на диван.

– Да я не сплю... Я так... – проговорил он и стал искать на ковре свою сигару.

– Был у тебя сегодня массажист? – задала вопрос супруга.

– Массажист-то? Был. Но я его отослал сегодня и велел послезавтра приходить.

– Вот тебе и здравствуй! Прикончил, стало быть, лечение?

– Нет, не прикончил. Зачем же кончать, ежели это лечение теперь в моде и принято у всех известных личностей высшего круга! Кончать не буду, а через два дня в третий будет у меня сеанс. Довольно. Что зря мучиться! Ведь ежели бы у меня болело что-нибудь, а то ничего не болит.

– Тебе этот массаж доктор Эртельсон велел от тучности, чтоб живот у тебя не рос.

– Пустяки. Просто я тогда для компании генералу Тутыщеву согласился. Тутыщев за обедом стал хвалить своего массажиста и спросил, не нужно ли его мне. Мне хотелось услужить генералу – я и просил его прислать. А уж потом спросил доктора Эртельсона, вреден мне массаж или не вреден. Тот улыбнулся и говорит: «А вы хотите разминку членов массажем?.. Пожалуй, – говорит, – даже и полезно. Только вот какой массаж делайте». Взял бумажку и написал: «Пассивная гимнастика». Написал и велел передать массажисту. Вот и все... Нет, довольно через два дня этого массажа. Все-таки этот массажист будет ко мне ходить, переносить от меня поклоны его превосходительству. Ведь и сам генерал Тутыщев через день делает себе массаж. – Подпругин стал закуривать потухшую сигару и спросил жену: – Куда мы сегодня вечером поедем?

– Да некуда, – отвечала супруга. – Я уж и то думаю. В театр – так завтра наш абонемент в опере. Ну, что два дня подряд в театр!.. Да и не достанешь теперь ложи.

– Да, мало у нас знакомых, мало. Кажется, и распространяешь круг знакомых, а съездить не к кому! – вздохнул Подпругин. – То есть знакомые-то у нас и есть, но все такого сорта, что сами к нам ездят, а к себе не зовут. Да вон хоть бы генерал Тутыщев... Два раза он меня почтил своим присутствием на обеде, а чтоб к себе позвать – ни-ни. А между тем, стороной слышу, что у него по средам журфиксы и даже сенаторы бывают. Сказывают, что тут как-то даже светлейший князь Ченстовский был. Мне Переключков сказывал. Переключков даже был. А вот меня не зовет.

– Стало быть, не считает достойным тебя, – ответила супруга.

– Странно. Тогда с какой же стати самому-то ему ко мне ходить? – Подпругин сделал гримасу и задумался.

Через несколько времени он спросил: – Ольга Савишна, хочешь, я арапа себе в лакеи найму?

– Зачем же это?

– Да так. Вот у Кудаловых-Залесских есть. Езжу я мимо, так вижу, что на подъезде стоит. В красном жилете, в стиблетах, в бархатных штанах. Нанять?

– Выдумай еще что-нибудь!

– У людей есть, так отчего же нам не иметь? Вот тогда генерал Тутыщев посмотрит!

– Брось.

– А то так карлика заведу. Вон в газетах публикуется лакей-карлик. Хочешь карлика?

- Не надо. И так уж всякой прислуги целая свора.
 - Свора-то свора, это точно. И лакеев много, и все, и ничего в них, знаешь, нет особенного...
 - Не знаю, про что ты говоришь.
 - Ростом малы, виду нет. Вон я вижу у аристократов на подъезде... Швейцар – зверь, лакей ростом с каланчу, и бакенбарды – во... А у нас все мелюзга. Нет, я возьму арапа, – решил Подпругин.
 - Да полно, не бери. Я бояться его буду, – ответила супруга.
 - Чего же тут бояться-то! Живой человек, такой же, как и мы, а только черный.
 - Ну, вот видишь, стало быть, и не такой, коли черный. Нет, нет, оставь арапа.
 - Какая дикость! Ты смотри, не брякни у меня об этом при гостях, что боишься арапа.
 - Ну вот... Будто я не понимаю.
 - То-то. На тебя иногда находит. Ты сидишь, сидишь да и выпалишь. Охо-хо-хо-хо!
- Подпругин зевнул.
- Ежели не знаешь, что делать и скучаешь дома, то поедем сегодня к брату Амосу Савичу, – предложила супруга.
 - Ну вот! Стану я по серым домам ездить! Я совсем хочу от этих Амосов Савичев отстать. Какая такая они нам теперь компания? Только фасон наших гостей портят.
 - Уж у кого какая родня есть, а родню надо почитать.
 - Им родственное почтение и будет. Вот 2 ноября буду именинник – приходите, пейте, ешьте, жарьте в стукалку. По их серым понятиям будет им и закуска серая весь вечер в углу стоять, дам будем весь вечер душить мороженым и шоколадом, а дня через два закатим вечер для другого сорта гостей, настоящего высшего круга. Они уж и так у меня мои и твои именины отбили, так что я в эти дни не могу настоящую аристократическую публику к себе в гости позвать.
 - Напрасно ты это. Право, они ничего. У брата Амоса вон уж и сын студент.
 - Сын-то студент, да сам-то он никакой политичности не знает. Помнишь, за обедом, когда еще у нас граф Лобусов обедал?... Была перед обедом закуска на отдельном столике, все выпили по рюмке водки и закусили и только сели за стол и принялись за суп, а братец твой Амос выскочил из-за стола, подскочил к закуске, схватил от закуски графин с водкой и поставил его перед своим прибором. А нешто это порядок? Нешто это в хороших домах делается? С ног срезал тогда меня старик.
 - Полно, никто даже и не заметил, – успокаивала Подпругина супруга.
 - Здравствуйте. Граф даже покосился в его сторону. Покосился и улыбнулся. А я-то сижу, а у меня по сердцу словно вот ножом кто... Приятно мне это? Нет, подальше от этих Амосов Савичей! Не компания они нам по нашему нынешнему положению, – закончил Подпругин.
 - В клуб поедешь теперь? – спросила его жена.
 - Кто теперь в клубе! В наш клуб надо ехать или к обеду, или часов в одиннадцать. Весь настоящий народ теперь кто во французском театре, кто по комиссиям сидит. А встречаться в клубе с разными пустопорожними личностями, так, право, неинтересно. Сядешь в карты, проиграешь черт знает кому – и никакой тебе пользы. В карты я люблю играть с тузами...
 - Ну, ты оставайся дома, а я поеду к сестре, – сказала супруга.
 - Брось ты эту сестру.
 - Да скучно дома. Ну, шутка ли целый вечер глаз на глаз с тобой!..
 - Я в контору к себе пойду.
 - Ну, одна я тогда буду. Это еще хуже.
 - Эх! – с досадой крикнул Подпругин и, махнув рукой, прибавил: – Ну, поезжай куда знаешь!
- Ольга Савишна позвонила и велела лакею приготовить карету.

III

Ольга Савишна уехала к сестре, а Анемподист Вавилович Подпругин отправился к себе в контору, находящуюся в том же доме-особняке, но этажом ниже и имеющую свой подъезд. Анемподист Вавилович спустился в контору по внутренней узенькой чугунной винтовой лестнице. В конторе работали бухгалтер, один из его помощников и корреспондент. Они встали и поклонились. Подпругин сел за свой письменный стол, потребовал у бухгалтера кассовую книгу, открыл ее, заглянул на последнюю страницу, придвинул большие счета, звякнул на них раза три и, зевнув, закрыл книгу.

– Есть у вас мне что-нибудь доложить? – спросил он, ни к кому особенно не обращаясь.

– Ничего нет, Анемподист Вавилыч, – отвечали бухгалтер и корреспондент.

Подпругин еще раз зевнул и отправился снова к себе наверх. По комнатам бродили два заспанных лакея.

– Позвать ко мне сейчас Алтунского, – отдал он им приказ и направился в кабинет.

Вскоре в кабинете появился Алтунский. Это был коренастый маленький человек в отставном военном мундире с поперечными штаб-офицерскими погонами, с седой щетиной на голове и нафабранными черными усами.

– Что такое стряслось с тобой? – спрашивал он, входя.

– Мне скучно. Не знаю, куда деваться. Поговорить с тобой хочу, – отвечал Подпругин.

– Да ведь за обедом обо всем уж переговорили.

– Значит, не обо всем, коли позвал.

– У меня гости. Мы в карты играем. Я уж и так за себя посадил. Мне теперь недосуг.

– Назвался адъютантом, так всегда должен быть досуг. Садись.

– Когда же это я назывался? Во-первых, штаб-офицеры адъютантами и не бывают.

– Ну, состоишь при мне по особым поручениям.

– И то не состою.

– Даровую квартиру с освещением и отоплением от меня получаешь, жалованья пятьдесят рублей в месяц контора тебе отпускает, так, значит, состоишь.

– И тут-то попрекнул! Ах ты, деревня! Ведь это от серого невежества, – проговорил Алтунский. – И кого же попрекнул? Своего приятеля, друга.

– А коли ты друг, то по дружбе не должен и отказываться, коли тебя просят посидеть, – наставительно заметил Подпругин.

– И не отказался бы, да ежели гости...

– Кто такие?

– Землемер один с женой, твой архитектор да еще...

– Ну, птицы не важные, и подождать могут. А мне скучно. Жена уехала к сестре, и я один. Садись. Вон сигары хорошие... Кури...

– Не хочешь ли ты ко мне вниз спуститься и в винт поиграть? Я тебя пустил бы за себя сесть.

– Ну вот... В винт я играю только с основательными людьми, да и то только тогда, когда нужно. А тут какой смысл?

– Сколько в тебе гордости-то! – покачал головой Алтунский.

– Садись, – кивнул ему Подпругин на кресло.

Алтунский закурил сигару и сел.

– Хочется мне журфиксы назначить, – начал Подпругин.

– Так что ж? За чем дело стало? Взял да и назначил.

– А ты посоветуй, как и в какой день.

– Ходить не станут. И побольше-то тебя кто, так и у тех эти журфиксы пустуют.

– Тонкие ужины будем заказывать, восьмирублевый шато-ля-роз станем подавать к столу, так придут. Сегодня стерлядь в аршин, на следующий раз лангуст...

– Нет, и на это нынче не особенно льстятся. Не любят. Родственников, пожалуй, соберешь.

– Что мне родственники! Разве я для них? Вот тоже сказал! Для них нешто стоит лангуста с крокодила величиной подавать? Они не будут даже знать, с какого конца его и есть-то надо. А я про других гостей, про основательных, чтобы хороший круг...

– Ничего не выйдет. Придержись ты лучше званых обедов.

– Обеды обедами, а это особь статья, – отвечал Подпругин и спросил: – Так какой день? Вот с будущей недели и назначим. Прежде всего, надо не в оперный абонемент.

– Отчего? В оперный абонемент-то и назначать. Из оперы прямо к ужину и будут приезжать, – посоветовал Алтунский.

– Так какая же тогда мне корысть-то? Приедут из оперы да прямо за ужин и сядут. Я хочу, чтобы дом показать. Пускай посмотрят, как люди из простых купцов существуют. Я вон новые пальмы и латании для зимнего сада из-за границы выписал. Новый фонтан с разноцветным электричеством поставлен.

– Боже, сколько в тебе тщеславия-то! – всплеснул руками Алтунский.

– А отчего же и не похвастать? Все трудами рук своих заработал, не жалея пота...

– Ну-ну-ну?! Тухлой-то солониной какой подрядчик на железной дороге своих рабочих кормил? Припомни.

– Попрекнул-таки! Знает один какой-то глупый случай и носится с ним, как с писаной торбой...

– Отчего же уж ты не скажешь: как дурак с писаной торбой?

– Оттого, что я деликатнее тебя. Ты вот мне тухлой солониной в нос тычешь, а я тебе из пословицы слово выбросил, нужды нет, что ты у меня пьешь, ешь и всеми благами пользуешься.

– Да уж очень ты меня раздражил, так оттого это, – сказал Алтунский. – У меня гости, в карты играют, я тебе об этом заявляю и прошу меня уволить, а ты не отпускаешь, и не отпускаешь прямо из озорничества, потому об этих журфиксах можно в лучшем виде завтра поговорить, а завтра я свободен целый день с утра.

– Ну, иди, иди, Бог с тобой, – кивнул ему Подпругин.

– Ну, вот и давно бы так. А завтра я к тебе явлюсь с утра, ты еще почивать будешь, а я явлюсь – вот и поговорим. Прощай.

– Прощай.

– Извини меня, пожалуйста, но, право, гости...

Алтунский протянул Подпругину руку.

– Провались ты, – ласково уже отвечал Подпругин, но, вспомнив, сказал: – Ах да... А к завтраму составь мне, как пригласительные билеты на журфикс напечатать.

– Да кто же на журфиксы по билетам зовет! Про журфиксы ты при встрече со своими знакомыми объявляешь. Встретишься с кем – ну, и скажи.

– Да так ли?

– Верно, верно. Прощай... До завтра.

Алтунский быстро выскочил из кабинета. Подпругин прилег у себя в кабинете на диване и стал мечтать.

«Надо попробовать журфиксы эти устроить, непременно надо... – думал он. – У всех есть журфиксы... Новый сервиз подадим, который на прошлой неделе из-за границы пришел. Тот генерал удивится! Что ни тарелка, то рисунок – и один другого лучше. Хрусталь новый...»

В воображении его заблистал радужными огоньками граненый хрусталь. Блеск все дальше, дальше... Подпругин заснул.

IV

В двенадцатом часу Ольга Савишна вернулась домой от сестры, а Анемподист Вавилович еще спал. Она вошла в кабинет и, увидав лежащего на диване мужа, воскликнула:

– Господи! Да чего ты спишь-то?!

От этого восклицания Подпругин тотчас же проснулся, быстро поднялся, сел на диване и обалделыми глазами смотрел на жену.

– И не стыдно тебе? – спросила жена. – Как же ты ночь-то спать будешь?

– А который час? – задал он вопрос.

– Боже мой! Да двенадцатый. Разве можно так спать!

Подпругин стал приходить в себя.

– Действительно... Как же это я так? – проговорил он. – А все Алтунский... Вызвал я его к себе, пришел он и говорит, что у него гости. Повернулся и ушел. Мне какое дело, что у него гости! Я вызывал по делу, хотел решить с ним насчет наших журфиксов.

– Это еще зачем тебе?

– А новый столовый сервиз с вензелями пришел из-за границы, хрусталь. Кому же мы все это покажем? Ведь не для того же я все это купил, чтобы в шкафах только держать.

– А вот придут твои именины, так покажешь.

– Кому? Родственникам твоим и моим? Так что они понимают? Ничего они не понимают. Да и им можно показать. Пусть дивятся. А я, кроме того, хочу показать понимающим гостям. Ты как хочешь, а я гостей сортировать буду. Вот родственники пусть приезжают на именины, а через три дня после именин у нас по вторникам журфиксы начнутся, и будет уж аристократическая публика.

– Ну, делай, как знаешь. Тебя не стоворишь.

– Да и стоваривать не надо. Коли я что в своем воображении положил, тому и быть. Вот сейчас поеду в клуб и буду там приглашать на журфиксы, – закончил он и позвонил. – В клуб еду, – объявил он явившемуся на зов камердинеру. – Послать сказать, чтоб барынину карету не откладывали. Да дать мне умываться и приготовить серенькую парочку.

Камердинер побежал исполнять требуемое.

– Ты знаешь, Олечка, в чем Бутыхов ходит обыкновенно в клуб? – продолжал Подпругин, обращаясь к жене.

– Почем же мне знать? Я даже и Бутыхова-то вовсе не знаю.

– Бутыхова-то? Ну, матушка, уж это стыдно. Бутыхов – тайный советник, синюю ленту Белого орла через плечо имеет. Бутыхов – важная шишка теперь в мануфактуре и торговле. Через Бутыхова Кирилла Львовича можно все сделать. Вот и его на журфиксы приглашу. Надо только придумать ему соответствующий винт. Чтобы все ему под кадрель были. Вот генерал Тутыщев, я... Ах да... Так я не досказал, в чем он в клуб ходит. В самой старой коричневой парочке. Пиджачок совсем трепаный, даже на рукавах обившись. Дескать, все равно, попа и в рогоже знают. Вот и я хочу, на его манер, сегодня в серенькой парочке в клуб ехать.

Вошел камердинер.

– Готово-с... Пожалуйста одеваться... – сказал он.

– Не забудь положить мне сигар в портсигар, – проговорил Подпругин, взглянул на письменный стол и воскликнул: – Ах, боже мой! Куда же сигары-то делись? Тут в ящичке около десятка еще было. Тьфу ты, пропасть! Да неужели их Алтунский с собой унес? Он, он... Больше некому.

– Много разного добра к себе таскают-с... – заметил камердинер. – Сегодня у них гости, так повар им судак а-ля метрдотель на пять персон стряпает.

– Не твое дело. Молчи. Что говорят господа, то не должен говорить человек... – оборвал его Подпругин.

– Нет, я к тому, что можете на меня подумать. На прошлой неделе они малахитовую пепельницу к себе из мавританской комнаты унесли.

– Опять-таки, это дело до тебя не касающееся. Ну, идем одеваться. Напомни мне, чтобы я вынул новый ящик сигар.

Подпругин в сопровождении камердинера отправился умываться и переодеваться. Через десять минут он вернулся в серой пиджачной парочке и синем галстуке. От него отдавало духами. Жена все еще сидела в кабинете.

– Так вот, в мои именины у нас будут родственники и духовенство, – сказал он жене. – Эти будут друг другу в масть. А во вторник, в журфиксный день, – особые гости. Так ты, Ольга Савишна, и приготовься.

– Да мне что же готовить? Я всегда готова, – отвечала супруга.

– Ну, то-то... А братцу своему и сестре о журфиксах ни гугу...

– Да они и сами не придут. Они даже не любят твоих особенных гостей.

– Ну и отлично. А я за эти дни буду подбирать сорт к сорту и приглашать, кого следует. Вот сейчас кого увижу в клубе, так приглашу на журфиксы. На ужин тюрбо дадим. Пусть повар тюрбо разыскивает.

Подпругин сел к письменному столу, отворил ящик, взял оттуда бумажник и положил в карман.

– Пенсне изволили взять? – напомнил камердинер.

– Ах да... Оно в уборной осталось. Принеси.

– Сию минуточку. Платок?

– Платок в кармане.

– Визитные карточки?

– В бумажнике есть.

– Извольте сигары достать. Приказали напомнить.

– Возьму, возьму. Ты мне пенсне-то принеси.

Камердинер побежал за пенсне. Подпругин выдвинул второй ящик из письменного стола, достал оттуда сигары и стал их накладывать в серебряный портсигар.

– И ты, Олечка, съезди завтра с визитом к баронессе фон Дорф и попроси ее к нам на журфиксы по вторникам, – сказал он.

– Ну что... Немка...

– Немка, да. А посмотри, как она по приютам?.. Шишка первого сорта. И к Анне Степановне Белослоновой тоже съезди.

– Хорошо.

– Белослонова приедет. Я знаю, приедет. Она говорила Дынину, что нужно взять с меня сто рублей на убежище. А в понедельник надо не забыть сказать садовнику, чтобы пять штук букетов приготовил. Каждой даме за ужином на прибор по букетику цветов. Знай наших! В ноябре живыми цветами потчевать будем.

Камердинер принес золотое пенсне.

– Карета у подъезда, – доложил он.

Подпругин поднялся и взглянул на часы.

– Без четверти двенадцать, – сказал он. – В самый разгар в клуб приеду. Хорошо, кабы побольше солидных встретить. Ну, я пошел. Прощай, – кивнул он жене. – Ты теперь спать?

– Неужели же танцевать? Почитаю на ночь, лежа в постели.

– А вот я не могу. Как за книгу или газету – сейчас и глаза под лоб.

Подпругин зашагал и скрылся за тяжелой портьерой кабинета.

V

Специально назначенные для езды по вечерам рослые вороные полукровки быстро домчали карету Анемподиста Вавиловича Подпругина до клуба. В шинельной клуба Подпругин быстро сбросил с себя легонькую ильковую шубку на руки прислуге и спросил:

– Его превосходительство Кирилл Львович Бутыхов здесь?

– Здесь еще. Они сегодня в обеденную пору приехали, – отвечал человек, принявший от Подпругина шубу, шапку и калоши.

«Фу ты, пропасть! Стало быть, надо торопиться, а то не уехал бы грехом домой, тогда его и позвать не удастся», – подумал Подпругин и поспешно, не взглянув на себя в зеркало и не поправив прически, начал взбираться по устланной ковром лестнице.

– На чье имя записать прикажете, Анемподист Вавилич? – спросил его верхний швейцар, стоявший у конторки перед входом в комнаты клуба.

– Само собой, на имя Бобруйского, – отвечал Подпругин и прибавил: – После, после заплачу входные деньги. Тороплюсь поговорить с его превосходительством Кириллом Львовичем.

Подпругин проскользнул в комнаты. Он был не член и ходил в клуб гостем на имя отставного полковника, старика Бобруйского. Подпругин алкал и жаждал записаться в этот клуб членом. Бобруйский с год назад хотел его рекомендовать туда для баллотировки, но предварительно просил дать ему времени порасспросить членов, как будет ими принята кандидатура Подпругина, и через неделю отвечал Подпругину, что баллотироваться в члены клуба надо ему еще подождать более благоприятных условий.

Переваливая свое грузное тело с ноги на ногу и кивая кланяющимся ему лакеям в серых фраках, Подпругин вошел в первую карточную комнату. В комнате играли только на четырех столах. Он подошел к одному из столов и поклонился только что кончившему сдавать краснорлицему лысому старику в отставном мундире полковника. Это был Бобруйский.

– На ваше имя, Михаил Денисыч, – сказал Подпругин.

Бобруйский протянул ему руку и проговорил:

– Очень рад. В картишки перекинуться пришли?

– Партии, полковник, теперь, пожалуй, не найдешь.

– Отчего? Вот сейчас приедут из Михайловского театра и из оперы, так и составится партия.

– Да уж приехали, – заметил носатый черный партнер полковника, разбирая сданные карты. – Карнаухов сейчас прошел в столовую, Гвоздь Гвоздевский. Это завсегдатаи Михайловского.

– Нет, я уж так сегодня... Я заехал повидаться кой с кем, – отвечал Подпругин.

– А откуда? – спросил полковник.

– Заседаньице тут одно у нас было.

– А я думал, от крали писаной.

– Хе-хе-хе... Не держим, Михаил Денисыч. У нас жена молодая, – сказал Подпругин и направился во вторую карточную комнату.

Там играли опять на четырех столах. Здесь знакомых было побольше. Подпругин поздоровался за одним столом с тремя партнерами и вдруг увидел около соседнего стола старика Бутыхова, но на этот раз Бутыхов был не в старой коричневой парочке, а в вицмундире и со звездой. Он сидел около играющих в винт и смотрел на игру.

Около него на маленьком столике помещалась бутылка с водой «Аполинарис» и гренок с положенным на нем филейчиком рябчика. Подпругин как с цепи сорвался, подлетел к Бутыхову и, ослабив лицо в широчайшую улыбку, произнес:

– Честь имею кланяться, ваше превосходительство.

Бутыхов, маленький, худенький старичок в пушистых седых бакенбардах и с зачесом целой пряди волос с виска на темя, протянул ему руку и сказал:

– А, почтеннейший! И вы здесь? Сейчас, должно быть, приехали?

– Из заседания, ваше превосходительство. Тут у нас было одно, по сиротским делам, – вставил Подпругин, все еще кланясь.

– Ну а я так сегодня здесь прямо со службы. Обедал, отдохнул в бильярдной, повинтил и уж почил от сих дел. Сбираюсь ехать домой. Да что! Не идет карта, бьет карта.

– В любви, должно быть, счастливы, ваше превосходительство, хе-хе-хе...

– Ну, какая уж тут любовь в наши годы!

– Любовь всякая бывает-с. В любви подчиненных к своему начальнику, в любви всех нас окружающих, так как вы достойное лицо и глубокоуважаемый человек, – нашелся Подпругин.

– Ах, вот что. Ну, это-то, пожалуй...

– Присесть можно к вам, ваше превосходительство? Не обеспокою?

– Будьте добры. Пожалуйста.

Подпругин бросился за стулом, но стоявший невдалеке лакей подал ему стул.

Подпругин присел, почтительно наклонился к Бутыхову и сказал:

– Специально приехал сюда затем, чтобы видеть вас, ваше превосходительство.

– А что такое? Что такое?

– Затеваю я с будущего вторника у себя журфику по вечерам, так прошу почтить их присутствием вашего превосходительства.

– Вот как! Благодарю. Но, милый мой, можете вы думать, я почти никуда не езжу по вечерам, кроме как вот в наш клуб.

– А уж меня осчастливьте, ваше превосходительство. Не ударим в грязь лицом. Все будет в порядке. Живем, слава богу... – совсем уж бестактно похвастался Подпругин.

– Знаю, знаю. Я слышал. Слышал и не сомневаюсь... – улыбнулся Бутыхов. – Вы ведь в своем доме на Захарьевской?

– Точно так-с. Особнячок себе скопировали и живем не хуже других. Денег не жалели. На прошлой неделе граф Малиновский присылали архитектора посмотреть мой зимний сад.

– Ах, и зимний сад есть?

– Люблю цветочки грешным делом. Так уж осчастливьте во вторник, ваше превосходительство, своим присутствием, – еще раз поклонился Подпругин.

– Во вторник? Постараюсь, постараюсь.

– Зимний сад еще не вполне скопировали, жду, где статуи из Флоренции, но и без статуй все-таки в лучшем виде... Фонтан бьет, и все эдакое. Букет роз вам можем...

– Спасибо, спасибо... – благодарил Бутыхов.

– Так уж я в надежде...

Подпругин поднялся со стула, поклонился и направился в столовую. В маленькой диванной, которую он проходил, двое – бакенбардист с Владимиром на шее и усач во фраке, оба серьезные до мрачности, – сидели над шахматной доской. Подпругин им поклонился, протянул руку и сказал:

– Мешать не буду. В столовой, надеюсь, потом встретимся?

– Да, да, сегодня, говорят, есть замечательные устрицы.

Прежде чем пройти в столовую, Подпругин зашел и в бильярдную. Там он встретил генерала Тутыщева. Тот с каким-то молодым человеком играл на бильярде в пять шаров. Генерал, очень бодрый еще мужчина, седой, с нафабранными усами, на почтительный поклон Подпругина протянул ему руку и проговорил:

– Прежде чем питаться, на сон грядущий вздумал моцион сделать, а то сидел, сидел за картами, и всю спину разломало.

– Доброе дело, ваше превосходительство, ха-ха-ха... – отвечал Подпругин. – Кто нынче без моциона – доктора очень не хвалят. Вот и я, по вашему совету, занялся пассивной гимнастикой и массажем, так свет увидел.

– Ага! Ну и что же? Ну, чирьи больше на спину не садятся?

– Да у меня, ваше превосходительство, чирьев не было.

– Не было? – протянул генерал. – А что же, мне помнится, что вы жаловались?

– Ломота в поясах была – вот на что я жаловался. А вы запомнить изволили.

– Ах да, да... Желтого в среднюю режу, – сказал генерал. – Фу, подставил! – воскликнул он, отлягнувшись ногой, и спросил Подпругина: – Ну и что же?

– Прекрасно себя чувствую. Ни ломоты, ни геморроя... Денно и ночью должен благодарить вас.

– Очень рад, очень рад.

Подпругин продолжал путь в столовую.

VI

В столовой было многолюдие. Сидела, между прочим, только что поужинавшая компания из трех штатских и двух военных, и между ними был известный актер Черемаев, брюнет с подведенными глазами и с синеватым гладко бритым подбородком. Черемаев был во фраке и, откинувшись на спинку стула и держась левой рукой за спинку другого стула, громко декламировал какие-то стихи. Компания слушала его. Перед ними стояла бутылка шампанского в холодильнике и лежали три груши дюшес в вазочке. Подпругин остановился и тоже стал слушать. Черемаев кончил. Слушавшие сдержанно зааплодировали. Зааплодировал и Подпругин.

– Bravo, bravo, Петр Петрович, – сказал он и тут же протянул Черемаеву руку.

– Добрейший мой! – подскочил к нему актер и поцеловался с ним влажными губами.

– Когда бенефис-то? – спросил Подпругин.

– Не скоро еще, мой милейший. В январе.

– Смотри, не забудь нас в своих молитвах. Пришли ложу.

– Да уж это первым делом. Как забыть такого...

– Нам бельэтаж и поближе к сцене. Иначе не сидим.

– Да уж само собой.

– Ну, я на свое любимое местечко. Вон там, у дверей, – показал Подпругин. – Освободишься, так приходи, холодненького пососешь. Дельце есть.

– Всенепременно, родной.

Обойдя всю столовую и найдя в ней, кроме актера Черемаева, только еще одного знакомого, Гвоздь Гвоздевского, Подпругин поздоровался с ним и сел за столом у входа в столовую. К нему подскочил лакей и подал карточку кушаний.

– Прибереги для себя, прибереги для себя... – отстранил Подпругин карточку и прибавил: – Должен знать, что я по карточкам не ем. Позови сюда повара.

Лакей побежал. Подпругин одумался.

– Стой! Стой! Не надо! – крикнул он лакею. – Потом... Не с кем есть теперь. Дай мне сначала бутылку редереру...

Появилась бутылка шампанского. Подпругин налил себе стакан, сделал глоток, но больше пить не мог.

– Еще стакан! – сказал он лакею.

Тот подал. Подпругин осторожно наполнил стакан шампанским и приказал:

– Снеси вон на тот стол, бритому гластому господину, и скажи, что от меня. Ты меня знаешь?

– Никак нет-с, ваше...

Лакей хотел его назвать «превосходительством», но по складке он не походил на такого.

– Странно, как это вы завсегдатаев своих не знаете! – рассердился Подпругин. – Скажи, что от Анемподиста Вавилыча.

– Слушаю-с.

– А не переврешь? От Анемподиста Вавилыча. Повтори.

Лакей повторил.

– Ну, ступай.

Подпругин наблюдал за лакеем. Лакей поднес Черемаеву стакан. Черемаев взял, быстро вскочил, обернулся к Подпругину, держа стакан, быстро послал ему летучий поцелуй и залпом выпил. Подпругин в знак благодарности прижал руку к сердцу и поклонился.

Через пять минут он потребовал третий стакан, наполнил его и послал Гвоздь Гвоздевскому.

Опять обмен любезностями в виде пантомим.

В дверях столовой показался генерал Тутыщев и прямо натолкнулся на сидящего за столом Подпругина.

– Победил молодого человека! Победил! – говорил ему генерал. – А ведь в некотором роде богом бильярдной игры здесь считается. Видит перед собой игрока-простака и стал рисковать. А я-то себе на уме. Что ни удар, то отыгрыш, отыгрыш, а делаю только верные шары – ну и отбил партию.

Подпругин вскочил с места.

– Прошу покорно присесть, ваше превосходительство. Осчастливьте компанией, – сказал он и сам подобострастно отодвинул для генерала стул от стола.

Тутыщев присел.

– А вы тут что делаете? – спросил он Подпругина, чтобы что-нибудь сказать ему.

– Придумываю, ваше превосходительство, чем бы попиваться. Но такая меланхолия в голове, что и придумать ничего не могу.

– Устрицы, говорят, сегодня очень хорошие есть у нашего эконома.

– Не моего романа сия еда, Николай Осипович. Ежели вы осчастливите меня дозволением угостить вас?

– С какой же стати угощение-то в клубе?

– О господи! Да что за счета! Человек! Тащи сюда две дюжины устриц! – засуетился Подпругин.

– Пойдите, пойдите. С какой же стати две-то дюжины? И дюжины довольно, – остановил лакея Тутыщев.

– Тащи! Публика-то тут подойдет, так скушает. А мне икорки свеженькой криночку. Пойди, стой... Куда ж ты? – остановил лакея Подпругин. – А на второе не прикажете ли ушки стерляжьей, ваше превосходительство? Я бы сейчас сам сходил в кухню и стерлядь выбрал.

– Да что же уж все рыбное?

– А будто грехи замаливаем? Среда сегодня. День постный.

– Разве что уж из-за этого, – улыбнулся Тутыщев.

– Так я сейчас...

Переваливаясь с ноги на ногу, Подпругин побежал за лакеем в кухню, вернулся оттуда минут через пять и торжественно произнес:

– Через полчаса будет готово. А вот до той поры холодненького не прикажете ли, чтобы не скучать? Стакан! – крикнул он лакею.

– Да что же перед едой-то мы будем пить шампанское? – возразил генерал.

– Э, ваше превосходительство, там внутри все смешается.

Подпругин налил Тутыщеву шампанского и продолжал:

– Ау меня к вам просьба есть.

– Что такое? Что такое? Надеюсь, что такой финансовый туз не денег просит?

– Боже избави. Журфиксы у меня со вторника начинаются для почетных знакомых, так хочу просить ваше превосходительство, чтобы осчастливили вашим присутствием.

– По вторникам? Хорошо, хорошо... Можно заехать как-нибудь.

– Да уж вы в этот вторник, Николай Осипович. Повар у меня хороший. Я его от Донона сманил.

– Боже мой! Да разве из-за этого?

– Одно к другому. Это точно, что посмотрите, как люди из простых купцов у себя существуют, но ведь красна изба углами, а пирогами. Так уж я в надежде.

– Постараюсь. Слышать я слышал, что вы хоромы себе построили.

– Какие хоромы, ваше превосходительство! Хижину убогую.

- О-го-го! Подпругин хижину себе строит!
 - Самую ледащую, можно сказать. Сигарочку не прикажете ли? – раскрыл перед Тутыщевым Подпругин свой портсигар. – Тоже простенькие, по пятаку штучка.
 - Знаю, что хороши, но потом, потом... Кто же перед едой курит! Да вон уж и устрицы несут.
- Появился лакей с подносом.

VII

Тутыщев выпил водки и уничтожил устрицы.

Уничтожал он их жадно, причмокивая, схлебывая. Подпругин ел свежую икру и говорил:

– Вот эту снедь мой астраханский агент прямо с места два раза в месяц мне присылает. Как около первого или пятнадцатого – сейчас бочонок. Ежели прикажете, ваше превосходительство, могу поделиться.

– А что ж, пришлите когда-нибудь фунтика два, – ответил Тутыщев.

– За счастье почту. А только уж и икра! Ведь прямо из чрева. Выпотрошат рыбину, солевой слегка икру припудрят, прямо в бочонок и ко мне. После моей-то икры вот эта уж упирается.

Он отодвинул от себя лопаточку с икрой и сказал лакею:

– Иоганисбергеру подай бутылку. Спроси у погребщика, чтобы самый лучший был.

– Ого! Да что это вы, милейший, лукулловский-то пир затеваете! – проговорил Тутыщев.

Он тоже больше десятка устриц одолеть не мог и положил в сторону мельхиоровый круглый ножик. На его замечание относительно пира Подпругин ответил:

– Я славянин своего отечества и по своей славянской натуре люблю, чтоб все было хорошо и широко.

– Устрицы-то вот жалко. Я говорил, что дюжину довольно, – продолжал Тутыщев. – А то вот их открыли, а я и половины съесть не мог.

– Разойдутся-с. Вот прикончат играть, скопируется в столовой публики побольше – и, поверьте, все уничтожат.

Подпругин не ошибся. К столу подошел Самоходов, тот самый мрачный бакенбардист с Владимиром на шее, которого Подпругин видел давеча игравшим в шахматы. Это была новая восходящая звезда в министерстве, где Подпругин имел дела.

– Питаетесь? – спросил он Подпругина в виде приветствия.

– Нельзя без этого, Василий Ионыч. А затем милости прошу к нашему шалашу. Вот и прекрасная закуска есть к водке, – пригласил его Подпругин, указав на устрицы. – Осчастливьте. Пожалуйста. Утешьте их превосходительство. Генерал сидят со мной и горюют, что я много устриц потребовал.

– Пожалуй... Но я обещал моему партнеру Баранникову, что с ним буду ужинать, – сказал Самоходов, но все-таки сел к столу.

– Господи боже мой! Так и господину Баранникову у нас место найдется, когда они придут, – отвечал Подпругин, придвигая к Самоходову блюдо с устрицами.

Появились два лакея. Один из них нес кастрюльку со стерляжьей ухой, другой – расстеган под колпаком. Кастрюля была громадная.

– Батюшки! Да на сколько персон вы это ухи-то заказали? – воскликнул Тутыщев.

– Кушайте. Зачем глазить? Это нехорошо, – отвечал Подпругин. – Стерлядь была велика, а навару я велел поменьше. Почти аршинная, подляга, попалась.

– Да зачем же такую большую-то? Ведь в ухе все равно.

– Славянская натура, ваше превосходительство. Ничего не поделаешь. Кушайте во славу Божию. Три тарелки, три! – кричал Подпругин лакею.

– На убой закормит, – обратился Самоходов к Тутыщеву, стараясь сделать улыбку на серьезном лице, и кивнул на Подпругина.

– Пилося бы да елось, да дело на ум не шло – вот мое правило, – дал ответ Подпругин, торжествуя от похвал. – К нам, Василий Ионыч, ваше превосходительство, пожалуйста по вторникам – и не так еще покормим. Приедете, батюшка, в хижину мою убогую?

– А что ж, могу... По вторникам?

– По вторникам, вечером.

– А где хижина убогая?

– Да на Захарьевскую только приедете, так любому городовому: «Где, мол, тут хижина Анемподиста Вавилыча»? Сейчас укажут. Можете даже и фамилии не называть. Знают. Так уж я в надежде.

– Постараюсь. А уха прелесть!

– Восторг, что такое! – подтвердил Тутыщев.

– Человек! Прибавь им стерлядки-то! – кричал лакею Подпругин. – Да вели скорей заморозить пару сулеечек шипучего, что Подпругин пьет.

За столом, где ужинал с компанией актер Черемаев, зашевелились, встали с мест и прощались друг с другом. Компания удалилась, а Черемаев, ковыряя в зубах перышком и весь красный от выпитого вина, подошел к столу Подпругина.

– Mamочка, ушицы тарелочку стерляжьей?.. – подскочил к нему Подпругин.

– Ну вот... После ужина-то! – отвечал Черемаев. – Стакан вина, пожалуй.

– Ваши превосходительства! Позвольте представить... Артист, и даже, можно сказать, талант... – стал рекомендовать Подпругин актера.

– Черемаев... – отрекомендовался сам Черемаев.

Тутыщев и Самоходов сухо подали ему руку.

– Садись, Петя, так гость будешь. Тебе шипучего или рейнвейну?.. – предлагал Подпругин.

– Я пополам... Фу! Ешь, ешь, а в три дня не сварится.

Черемаев вздохнул и отдулся... Подпругин налил ему в стакан вина из двух бутылок, наклонился к нему и сказал:

– Петя... По вторникам у меня будут мои добрые знакомые собираться. Высшее общество будет. Так ты, смотри, не премини...

– Во вторник я, брат, играю.

– Так ты после игры. Ты прямо к ужину потрафляй. Отощает ведь в театре-то, ну а у меня и отойдешь.

– Хорошо, хорошо.

– Ты не бойся. Я не отравлю. У меня повар лучше здешнего.

Подошел и Гвоздь Гвоздевский, известный адвокат и юрисконсульт в разных акционерных обществах. Он только что отужинал и уже направлялся домой.

– Все еще бражничаете? – спросил он Подпругина.

– Да ведь как же... Питаться надо. К нам, за компанию... Стакашек холодненького?

Подпругин схватил его за руку.

– Нет, нет... Я домой... – упирался Гвоздь Гвоздевский. – Поужинал и ко дворам...

– От хлеба, от соли не отказываются. Это не по-славянски.

– Да ведь вы вина предлагаете мне.

– Веселие Руси есть пити. Неужто стаканчик-то уж нельзя?

– Не могу. Завтра надо рано вставать. Дела есть.

– А у кого их нет? Все мы, слава тебе господи... Ваше превосходительство, позвольте вот познакомить...

– Знаем, знаем. Знакомый... – в один голос проговорили статский и военный генералы.

– Владимир Николаич, я так вас не отпущу. Нарочно на юру сел, чтоб всех знакомых ловить. Стаканчик холодненького на дорожку, и идите с Богом, – не отставал Подпругин и лез к Гвоздь Гвоздевскому со стаканом.

– Ведь этакий неотвязчивый! – проговорил тот, выпил стакан шампанского залпом и стал прощаться со всеми.

– На дорожку сигарочку, Владимир Николаич? Подпругин плохенькие курит, по шести гривен штучка, но авось понравятся.

Гвоздь Гвоздевский взял из портсигара Подпругина сигару.

– Две, две берите. Вторую дома на сон грядущий выкурите, – приставал Подпругин. – Да есть у меня и еще, милейший Владимир Николаич, до вас просьба.

– Что такое? – улыбнулся Гвоздь Гвоздевский.

– По вторникам у меня вечера для добрых приятелей. Милости просим во вторник.

– Благодарю. Примем к сведению... Прощайте.

– Только чтоб уж непременно в этот вторник. Вот и генералы будут.

– Ну, за этот вторник не ручаюсь.

– Нет, я слово беру!

– А я не даю.

– Владимир Николаич, зачем вы меня режете?

– Да чем же?

– Комплект уважаемых личностей хочу у себя принять, а вы вдруг не будете!

Гвоздь Гвоздевский улыбнулся.

– Ну, постараюсь, – сказал он.

– Пожалуйста, – поклонился Подпругин и крепко пожал его руку обеими руками. Тот удалился.

VIII

В игорных комнатах раздался звонок, возвещавший первый штраф, наконец звонок, возвещавший второй штраф, а Подпругин все еще сидел в столовой и угощал знакомых ужином. Съели уху – лакеи принесли жареных дупелей.

– Боже мой! Боже мой! Что же это такое! Еще еда! – воскликнули в один голос Тутыщев и Самоходов. – Ведь после ухи с расстегаями решительно ничего есть невозможно.

Подпругин сидел и улыбался.

– Уж и еда! – говорил он. – Разве это еда? Просто баловство. Ей всегда место найдется. Пожалуйста по птичке.

Тутыщев и Самоходов положили себе на тарелки по дупелю и стали их ковырять ножом и вилкой. Из игорных комнат показался полковник Бобруйский.

– Ба, ба, ба! Вот кого не доставало! – радостно возвысил голос Подпругин. – Михаил Денисыч, пожалуйста. Честь и место. Ушица есть хорошенькая. Еще горячая. Похороны стерлядки вот одной справляем. Очень пожилая стерлядка была, вечная ей память, старушке. Тарелку ухи сюда! – командовал он лакею.

Бобруйский сел за стол беспрекословно, но был мрачен.

– Да что стерлядка! И на еду не тянет – вот как сегодня взлупили, – отвечал он. – Целый вечер карта не шла.

– Стерлядка утешит-с, а потом вот дупелек радостную песенку просвищет. Кушайте, кушайте, пока не остыло.

Бобруйский взял ложку.

– А ежели и приходила игра, то несчастье или ошибка партнера... – продолжал он.

– Илларион Михайлыч?.. – спросил полковника Тутыщев.

– Он. Ужасно рассеянно играет. И ведь что обидно: сядет с другим играть – вывернется. Я проиграл сорок восемь рублей, а он даже что-то три или четыре рубля выиграл.

– Имею случай предложить вам отыгаться, Михаил Денисыч, – сказал Подпругин. – Милости просим ко мне во вторник вечером. Отличный винт вам предоставлю.

– А что у вас во вторник? – спросил Бобруйский, хлебая уху.

– То же, что и здесь, только повар мой будет куда получше. И напередки к нам по вторникам милости просим. Задумал я для моих гостей журфикс устроить.

– Благодарю.

– Благодарность не в счет. А вы уж дайте слово, что непременно приедете навестить бедного славянина из Ярославской губернии.

– Слова не могу дать, потому что, может быть, не удастся.

– Нет, уж надо так быть, чтобы удалось. Пожалуйста.

– Да ведь у вас каждый вторник будут собираться. Не в этот вторник, так в следующий.

– Нет, нет-с. Это не модель. Я так уж и стол в винт припасать буду. Хозяин должен знать, кого с кем посадить. Полковническое слово, что приедете?

Подпругин протянул через стол руку.

– Да говорят вам, не могу дать слово. Мало ли, что может случиться! А давши слово – держись. Думаю, что приеду.

Лакей принес мельхиоровую кастрюльку и открыл крышку.

– Что это такое? – удивленно спросил Тутыщев.

– Гурьевская кашка-с. Это, ваше превосходительство, совсем уж легонькое.

– Послушайте... Да вы хотите закормить нас на убой... Нет, от гурьевской каши я отказываюсь. Сыт по горло.

– Ради сладости желудка надо, ваше превосходительство. Нельзя же без сладости, – убеждал Подпругин, но Тутыщев был непреклонен.

– Ия отказываюсь, – заявил Самоходов.

– А я кашки попробую, нужды нет, что уж поужинал, – сказал актер Черемаев и придвинул к себе кастрюльку.

Стал накладывать себе на тарелку каши и Бобруйский, хотя и заявлял, что вследствие неудачи в картах потерял аппетит.

– И ведь какую игру я проиграл через этого Иллариона Михайловича, если бы вы знали! – продолжал он сетовать и, отправляя ложку за ложкой в рот, стал рассказывать присутствующим карты своей игры.

Подпругин между тем лез ко всем с шампанским, требовал кофе и ликеров.

– Не будем, не будем ликеров пить. Что за ликеры! А кофе я никогда на ночь не пью, – говорил Тутыщев, но Подпругин все-таки велел подать.

– Что это у него за праздник сегодня такой? – спросил Бобруйский, ни к кому не обращаясь.

– Задатки насчет вторников своих даю, Михаил Денисыч. По вторникам еще не так потчевать у себя будем. Кушайте, гости дорогие.

Только часу в четвертом рассчитался Подпругин за ужин и стал уходить из столовой со своими застольниками. От выпитого вина он не совсем твердо стоял на ногах и покачивался. Двум лакеям дал он на чай по три рубля и сказал:

– Будете знать теперь, что меня зовут Анемподист Вавилыч.

– Да как же, Анемподист Вавилыч, я и раньше вас знал, да так, затмение какое-то нашло, – конфузливо отвечал лакей, провинившийся в том, что не знал, как зовут Подпругина.

Все направились в швейцарскую. Швейцару, записавшему Подпругина гостем на имя Бобруйского, Подпругин тоже кинул на конторку трехрублевку и наставительно произнес:

– И прошу уж впредь меня не спрашивать, на чье имя вхожу в клуб. Всегда буду ходить на имя моего друга-приятеля Михаила Денисыча. Шубу! – крикнул он у вешалки.

Помощник швейцара со всех ног бросился подавать ему шубу.

– Вот этот знает меня, пригляделся, – самодовольно заметил Подпругин, суя ему рублевую бумажку в руку. – А давеча в столовой я приказываю лакею, чтобы повара позвал ко мне, а он таращит на меня глаза и спрашивает, как моя фамилия. Дурак! Итак, господа, во вторник ко мне... – продолжал он, обращаясь к Тутыщеву, Бобруйскому, Самоходову и Черемаеву.

– Постараемся, постараемся, – был ответ.

– Да что тут старания! Вы без стараний. Записок писать не буду.

– Какие же записки на журфикс!

Подпругин запахнул шубу и предложил:

– Кому со мной по дороге в Захарьевскую? Я в карете и подвезти могу.

Вызвался Черемаев. Распрощавшись со всеми, Подпругин сел с ним в карету. Швейцар захлопнул дверцу, и карета помчалась.

– Вот дурак-то! – проговорил Бобруйский, смотря вслед карете.

– Нет, он не дурак. Смотрите, какие дела он ведет! А просто бахвал, – мягко возразил Тутыщев.

– Но все-таки бахвал глупый. Как же он не замечает, что все это его бахвальство смешно.

– Самообольщен очень, тщеславен. Почти все тщеславные люди думают, что никто не замечает их выходок, – пояснил Самоходов, застегивая верхнюю пуговицу у своего мехового пальто.

Они начали нанимать извозчиков.

IX

Утром Подпругин, как обыкновенно, проснулся рано. Ноябрьское утро еще только брезжило свет, а он уж проснулся. Где бы Подпругин с вечера долго ни сидел, а по старой рабочей привычке он всегда просыпался не позже восьми часов утра, а летом еще ранее. Камердинер его Илья, служивший раньше у какого-то графа, несколько раз рассказывал ему, что хорошие господа, обыкновенно, рано не встают, но Подпругин, принимавший близко к сердцу все, что делают «хорошие господа», на этот предмет не обращал никакого внимания. Проснувшись, он позвонил и тотчас же отдал приказ явившемуся камердинеру:

– Умываться и чаю...

Спустив с кровати ноги в туфли, он тотчас же направился в уборную, а камердинер пошел за ним следом с полотенцем. Умывшись около мраморного умывальника, дающего воду прямо из водопровода, он надел шелковый халат, причесал волосы перед зеркалом и, перейдя опять в спальную, стал на молитву перед образом. Пока он крестился и клал земные поклоны, камердинер отправился за чаем.

Чай был сервирован в кабинете на круглом столе, где раскладывались обыкновенно полученные журналы и газеты. Светила лампа. На серебряном подносе стояли только два серебряных чайника – один с чаем, а другой с кипятком, помещались такая же сахарница с дешевенькими трактирными щипчиками для раскалывания сахара и стакан на блюдечке. Это был первый утренний чай Подпругина. Второй чай он пил в столовой, с женой, которая вставала позднее его, около одиннадцати часов утра, и пил уже при полной сервировке и при самоваре.

– Позови сюда полковника, – отдал Подпругин приказ камердинеру, усаживаясь за чай.

– Максим Иванович, я думаю, еще спят, – робко заметил камердинер про полковника Алтунского.

– Спит, так пусть разбудят его. Что это такое, в самом деле! Вчера зову – гости у него, сегодня зову – спит. Мне он нужен – ну, пусть и приходит.

Камердинер удалился. Подпругин принялся за чаепитие. Пил он чай, наливая его на блюдечко и жадно схлебывая, пил вприкуску.

Камердинер вернулся и доложил:

– Насилу достучался-с. Сказали, что придут в десять часов.

Подпругин взглянул на дорогие бронзовые часы на камине. Часы показывали половину девятого.

– Ну вот! – воскликнул он. – Что же я один до десяти-то часов делать буду!

– В девять часов массажист придет, – сказал камердинер.

– Ах да. Стало быть, и хорошо, что Алтунский-то промедлит.

Подпругин налил себе второй стакан чаю и развернул вчерашнюю газету.

– Прикажете сегодня, стало быть, принять массажиста?

– Да, да... Пусть он меня поломает. У меня сегодня затылок болит.

– Не прикажете ли тогда лимончику к чаю? Кисленькое очень помогает.

– Ты знаешь ведь, что я по утрам чаю с лимоном не пью!

– Нет, я к тому, что вроде лекарства, так как у вас голова со вчерашнего...

– Что со вчерашнего? Что? – закричал на камердинера Подпругин. – Что ж, я вчера пьян был, по-твоему, что ли?!

– Нет, я к тому, что вы сами сказали, что голова...

– Затылок, а не голова. Ну, уходи. Больше мне тебя не надо.

Подпругин стал читать газету, но ему не читалось. В голову лез предстоящий журфикс. Он сильно занимал его. Подпругин отложил газету, поднялся со стула, перешел к письменному

столу, взял оттуда лист бумаги и карандаш и, вернувшись на старое место, стал писать карандашом, кого он звал вчера к себе на журфиксы. Через минуту он прочитал:

– Бутыхов, Бобруйский, Самоходов, Гвоздь Гвоздевский, Тutyщев, Черемаев. Шесть человек, – сосчитал он. – Нет, этого мало. Ежели Алтунского и меня прибавить, то и то будет только восемь. Два стола в винт есть, но этого мало. Да, впрочем, актер Черемаев в винт не играет, – соображал он. – Да и звал-то я его для того, чтобы он за ужином нам что-нибудь прочитал и позабавил нас. Гм!.. Даже двух столов еще нет. Надо еще кой-кого пригласить. А откуда их взять-то? Кого пригласить-то? – Он задумался. – Биржевых разве кого покрупнее пригласить? – рассуждал он, бормоча вслух. – Непременно надо биржевых. Без них нельзя. Да и лучше. Пусть посмотрят, какой у меня сорт гостей. Поваляева Алексея Порфирьевича пригласить, так это такой туз, что генералу не уступит. Одно только, что он никуда не ездит, вот беда. «Ко мне, – говорит, – милости просим, а сам я – уж извините». Тоже ведь коммерции советник и всякими орденами обвешан. Надо сделать визит и поклониться. Заворова надо пригласить. Этот даром что из купцов, а по бакенбардам – министр. Тоже не любит купеческого общества. Тоже и этому придется кланяться и особенно просить. К нужным чиновникам и генералам ездит, а к своему брату тоже не любит. Да вот уж и я не люблю простых купцов, как в настоящие люди вышел. Отчего это так? – Подпругин опять задумался. – Биржевых-то тузов, пожалуй, еще труднее, чем генералов, к себе залучить, – решил он. – Генералы теперь есть такие, что хорошее угощение иным в диво, ну а нашим биржевым ведь ничего не в диво. Ну да надо постараться. Вот Алтунский тоже пусть кого-нибудь придумает. Я считаю так, что на журфикс человек двенадцать – пятнадцать надо. Меньше нельзя. Фасона хорошего не выйдет. Но Алтунский, Алтунский... И чего это он спит, подлец, до сих пор!

Подпругин рассердился и стукнул кулаком по столу так, что посуда на подносе задребезжала.

Вошел лакей и доложил:

– Массажист пришел.

– Зови! – встрепенулся Подпругин, встал и сбросил с себя халат, очутившись в одном нижнем белье.

В дверях показался массажист. Это был плотный, коренастый, черный, как жук, с большой окладистой черной бородой человек и с курчавыми черными же волосами. Одет он был в черный сюртук, застегнутый на все пуговицы, в руках держал барашковую шапку и кланялся.

– Здравствуйте, мусье Чревов, – сказал ему Подпругин и протянул руку.

– Давненько уж мы с вами не занимались, Анемподист Вавилыч, – проговорил Чревов, хватая обеими руками руку Подпругина.

– Ну вот! Два дня тому назад занимались.

– Больше-с...

– А вам-то какая забота? Свое ведь вы, в сущности, получаете.

– Так-то оно так-с. Я благодарен. Но вот ваше драгоценное здоровье... Здесь заниматься будем?

– Здесь, здесь... Ведь на этом турецком диване сколько раз занимались.

Массажист снял с себя сюртук, бережно положив его на стул, отстегнул рукавчики у сорочки и сказал Подпругину:

– Потрудитесь туфельки снять и на спинку лечь...

– Ах вы, мучители! Черти! – кряхтел Подпругин, укладываясь на большом турецком диване, обтянутом дорогим ковром.

Х

Чревов приступил к массажу. Он начал с ног Подпругина и стал разминать ему ступни. Подпругин морщился и ежился.

– Щекотно, – проговорил он. – Довольно.

– Его превосходительство генерал Тутыщев тоже боялся щекотки, – сказал массажист. – Я сейчас от него.

– Ну, что он?

– Здоровы, но только немножко голова... Так я им особенно на затылок приналег.

– Вот-вот, и у меня сегодня затылок болит. Вместе ведь вчера в клубе-то были.

– Знаю-с. Сказывали они.

– Так вы, мусье Чревов, и мне затылок хорошенько.

– Всенепременно-с. Дайте только до затылка дойти. После клубов это первое дело у меня, чтобы затылки разминать... Вот от вас пойду к графу Ливанову – и ему придется затылочек помять. Наверное просить будут.

– Гм... А почему вы знаете? – кряхтя, спрашивал Подпругин.

– Да как же не знать-то? Вчера обед в Английском клубе был. После этих обедов всегда... Я уж приноровился. Сегодня у них, наверное, вместо утреннего чая боткинская смесь. А я приду, попросят на затылок поналечь.

– Надо бы и мне этой смеси попробовать. Все я слышу: смесь да смесь, а что это такое – не пивал, – проговорил Подпругин, услышав, что граф Ливанов боткинскую смесь пьет.

– Порошок такой шипучий, – пояснил массажист. – Очень полезительная вещь... Генерал Тутыщев тоже очень часто пьют.

– Ах, и его превосходительство Николай Осипович пьют? Непременно надо попробовать. У меня натура точь-в-точь как у генерала Тутыщева.

– Любой доктор пропишет, – сказал массажист. – Порошок немудреный. Даже и я могу...

– Зачем же?... Я спрошу у генерала, кто ему прописывал. Кто ему – тот и мне... Ой, полегче! – воскликнул вдруг Подпругин.

– Ага! До болевых точек дошел! Нет, на точки-то я должен посильнее поналечь, а вы уж потерпите.

– Ой-ой-ой! Довольно, черт тебя дери!

– Ну, готово-с. А вот его превосходительство как прекрасно терпят, когда я на эти точки налегаю!

– Да и я терплю, а уж вы мне, мусье, с каким-то вывертом.

– И генералу с вывертом, а им хоть бы что! Потрудитесь перевернуться на брюшко.

Подпругин грузно перевернулся и спросил:

– А ничего не говорил генерал про меня?

– Говорили-с. Говорили, что вот вчера были с вами вместе...

– А про уху ничего не говорил, какую я закатил приятелям?

– Ничего-с. Говорили, что ужинали вместе, а больше ничего.

– Гм... Странно. Уха была такая, что бык забодает. Ну, переходите, мусье, на спину, а там и затылок. Вот насчет спины я ужаси люблю, когда мне кто ее натирает. И чем сильнее, тем лучше.

– Генерал тоже обожают.

– Ну?! Удивительно, какой у меня одинаковый вкус с генералом. Точь-в-точь как будто бы я сам генерал. А не говорил вам генерал, что я звал его к себе? – задал вопрос Подпругин.

– Говорили-с.

– Ну и что же он? Пойду, говорит?

– Ничего не сказали.

– Гм... А обещал. Вот будет у меня во вторник. Спину? Вот это я люблю... Так, так... Хорошенько.

Массажист усердствовал из всех сил.

– Мусье Чревов! А к Бутыхову вы не ходите насчет массажа? – спросил Подпругин.

– К Бутыхову? Нет. А кто это – Бутыхов? – в свою очередь, задал вопрос массажист.

– Бутыхова не знаете? Вот это ловко! Бутыхов – тайный советник и кавалер и такое местечко занимает, что вот сейчас может нас с вами в коммерции советники... Звезды, звезды у него, так это видимо-невидимо. Тоже у меня будет во вторник на журфиксе. Хочешь, порекомендую?

– Отчего же-с? Я практике всегда рад. Буду благодарен. Ну, теперь шейку вашу и затылок. Потрудитесь сесть вот на этот табурет... – предложил массажист, усадил Подпругина и стал ему разминать шею и затылок.

Подпругин кричал, наконец вырвался и вскочил.

– Довольно! Моченьки моей нет, – проговорил он и стал надевать халат.

Надевал себе рукавички на сорочку и массажист и говорил:

– Вот и будете теперь здоровы. Теперь и головка будет свежа.

Вошел камердинер Илья на звонок Подпругина и сказал:

– Максим Иваныч ждут. Можно им войти?

– Алтунский? Зови, зови... Даже очень надо, – пробормотал Подпругин.

Показался, раздвинув тяжелую портьеру, полковник Алтунский.

– Здравствуй... – сказал он. – Чего ты это безобразничаешь и будишь меня спозаранку! Не дал настоящим манером поспать, а у меня вчера долго гости сидели.

– Эка важность! Я сам вчера в клубе до третьих петухов просидел, однако же встал вовремя, – протянул ему Подпругин руку. – Садись, – проговорил он. – У меня дело есть. Поговорить надо.

– Что такое стряслось? – спросил полковник, присаживаясь.

– Дело вот в чем... Найми мне, пожалуйста, Максим Иваныч, арапа в лакеи, про которого ты говорил.

– Арапа? Ха-ха-ха... О, тщеславие, тщеславие! – рассмеялся Алтунский. – Да зачем тебе арап?

– А зачем у других людей служат? Только уж, пожалуйста, найми ко вторнику. Чтоб во вторник служил.

– Здравствуйте. Да разве мы успеем ему ко вторнику ливрею сшить?

– На курьерских погоним, а сошьем.

– Не знаю, не наняли ли уж его. Я ведь тебе об нем недели две тому назад говорил.

– Переманим. Посулим надбавку. Только непременно ко вторнику.

– Это на журфикс-то твой? Да будет ли у тебя еще кто во вторник-то?

– Бутыхова звал, Тутышева, Гвоздь Гвоздевского, Самоходова.

– Звать немудрено. А приедут ли?

– Обещались.

– Сомневаюсь, чтоб приехали. Весь этот народ ой-ой как туг на подъем! В клубы – сколько угодно, а в частные дома не любят ездить.

– Тьфу ты, пропасть! Зачем ты меня дразнишь!

Подпругин рассердился и заходил по кабинету.

– Не дразню, а правду говорю.

– Нет, нет, приедут. Все не приедут, а кой-кто приедет. К ним на прибавку я биржевых и банковых подсыплю.

– Вот этих-то и советую придерживаться.

– Оставь, пожалуйста. Брось. Жена еще сегодня поедет с визитами и будет приглашать. А ты лучше распорядись сегодня, пересмотри вино. Есть ли у нас в погребе достаточно шато-ла-розу и рейнвейну? А нет, так надо выписать.

– Хорошо, хорошо. Это сделаем. А ты приглашай только питухов-то. Да приглашай не профанов, а смыслящих, а то обидно дорогое вино в дураков вливать.

– Ну, ну... С понятиями будут. Да надо будет сказать повару, чтоб насчет тюрьбы-рыбы ко вторнику озаботился.

Массажист, покуривавший в это время папироску, стал прощаться с Подпругиным.

– Генералу от меня поклон, когда увидите, – сказал ему Подпругин и протянул руку.

XI

Полковник Алтунский осматривал со всех сторон большой письменный стол Подпругина, стоявший посреди кабинета, и, видимо, что-то искал.

– Ты чего там, Максим Иванович? – спросил Подпругин.

– Сигары ищу.

– Сейчас я тебе дам сигарку, – сказал Подпругин, звякнул ключами и стал отворять ящик письменного стола.

– Зачем же ты это прятать стал? Что за манера! – проговорил Алтунский.

– Очень уж много ты к себе таскать стал, говорю прямо. Вчера пол-ящика уволок.

– Уж и пол-ящика! Взял пять-шесть штук, потому что у меня гости были.

– Заговаривай зубы-то! Штук двадцать отворотил. Вот тебе сигара.

Подпругин подал сигару. Алтунский посмотрел на него и пожал плечами.

– Удивляюсь! – сказал он. – Где так все нипочем, а тут сигар жаль.

– Да ведь они по сорок копеек штука...

– Знаешь, ведь это мужицкая манера, и от нее надо отвыкать. Уж ежели ты держишь себя джентльменом, то должен быть во всем джентльмен. И кому жалеешь? Ветерану турецкой войны жалеешь, израненному служаке. А еще патриот!

– Да ведь ты, Максим Иванович, своим гостям вчера утащил.

– Брось. Противно даже разговаривать о твоём сквалыжничестве. Я тебя на точку ставлю, можно сказать, воспитываю, а ты...

– Для тебя я всегда рад, а другим зачем же?... Поговорим о деле. Присядь.

Подпругин пригласил Алтунского сесть.

– Не хочется с тобой даже и заниматься – вот до чего противно, – проговорил Алтунский, попыхивая дорогой сигарой, но сел и спросил: – Что такое еще?

– Ежели я пару банковых жидов приглашу на журфиксы? Тоже ведь тузы. Гаусланда и Либавского?

– Мне-то что! Пусть от вестфальской ветчины у закуски сторонятся.

– Нет, это не такие. Эти все едят и пьют. Линкенштейн вон на венчании у дочери Коловьева в русской церкви был.

– Твое дело.

– Я тебя спрашиваю. Как посоветуешь? Подойдут ли они под масть к моим гостям?

– Да позови вот Линкенштейна-то на пробу. А того погоди. Надо посмотреть, что из этого выйдет.

– Ну ладно.

Вошел камердинер и доложил, что барыня вставши и в столовой дожидаются.

– Пойдем к жене. Там и поговорим, – пригласил Подпругин Алтунского, и они отправились.

Они прошли две гостиные – одну меблированную во вкусе ампира, с мебелью жакобс, а другую – в современном вкусе, поражающую пестротой и разношерстностью мебели, перешли галерею с картинами на стенах и вступили в столовую. Столовая была большая, вся из резного дуба, с живописными плафонами на мифологические сюжеты. За маленьким закусочным столом, стоявшим в стороне от обеденного стола, сидела около серебряного самовара Ольга Савишна Подпругина. Она была в пестром шалевом капоте и несколько припудрена.

Алтунский подошел к ней, пожал руку и спросил:

– Хорошо ли почивали?

– Под утро – да. А с вечера я всегда долго не могу заснуть. Все читала, – отвечала Ольга Савишна.

Подпругин сказал только:

– Здравствуй, – и сел к столу. – Ну-с, журфикс – решенное дело... Вчера в клубе я таких тузов приглашал, что первый сорт. Сегодня тоже заеду в два-три места. Завезу карточку и баронессе фон Дорф. А ты сама поезжай к ней и проси во вторник, – проговорил он жене.

– Хорошо, но не знаю, поедет ли... Вдова... Вдовы вообще...

– А вот ты ей свезешь на приют ее сотняжку – она и поедет.

– За сто рублей гостью-то покупаешь? – улыбнулся Алтунский.

– Не покупаю, а связь завожу... Связь это. И наконец, должна же и жена жертвовать, ежели в том же комитете состоит. Потом к Белослоновой... – продолжал Подпругин. – Этой я тоже карточку завезу. Ей и мужу. Мужа ее я вчера не видал в клубе. Не был он.

– Он в Английском был, наверное. Вчера в Английском клубе обед был, – заметил Алтунский.

Ольга Савишна подала мужу стакан чаю и спросила Алтунского:

– А вам, Максим Иванович, прикажете?

– Пил, матушка-барыня, у себя пил. Мерсикаю.

– Выпей, авось не разорвет, – сказал Подпругин.

– Зачем же без нужды жидкость в себя вливать? Ты уж и Белослоновой пошли с женой сотню рублей.

– Не нужно. Белослонова в том же комитете, где и баронесса. Баронесса – председательница, я ей и посылаю. Впрочем, Белослоновой-то ты все-таки скажи, что, мол, так и так – сейчас передала Анне Львовне сотняжку...

– А к генеральше Полоутинской не заезжать? Она тоже в комитете, – задала вопрос Ольга Савишна.

– Очень бы приятно и Полоутинскую пригласить, но вот беда – я с ее мужем не знаком, а без мужа она не поедет, – ответил Подпругин. – Разве поехать и представиться? – спросил он Алтунского.

– Что ты, что ты! Ведь это же будет смешно. С какой же ты стати будешь дурака ломать! – отвечал Алтунский. – Вдруг приедет: «Позвольте познакомиться», и сейчас же: «Пожалуйте к нам по вторникам».

– Да, действительно... Это я не сообразил. Не модель, – согласился Подпругин и сказал: – Ну, довольно и баронессы с Белослоновой. Так вот, съезди, – прибавил он, обратясь к жене. – Ну, и я сейчас поеду кой к кому.

Он позвонил и сказал вошедшему лакею:

– Одиночку в сани вели мне закладывать, да скажи Илье, чтобы он приготовил мне одеваться. Ах да... Вот еще кого пригласить надо: доктора Кукумищева. Это тоже большой человек, – вспомнил Подпругин, поднимаясь со стула, подошел к камину и, указывая на громадные бронзовые канделябры, стоящие на камине, сказал: – А вот, где я ни бывал, нигде не видал такой бронзы, как у меня. Этими канделябрами кому угодно нос утереть можно. И насчет часов ежели, которые в большой гостиной. Максим Иванович, правильно я?

– Верно, верно. Только зачем это говорить? Знай про себя, – отвечал Алтунский.

– Чудак-человек, не дашь мне и похвалить свои вещи.

– На деньги все можно купить.

– Сам ведь я покупал вот эти канделябры. Ты похвали мой вкус. И десертным сервизом можем кому угодно нос утереть. Шутка ли, на двадцать четыре персоны и каждая тарелка на особый манер от руки расписана!

– Брось ты тщеславие! Зачем такой тон!

– Да ведь я при своих. При тебе и при жене.

– И при нас не надо. Знай про себя...

Показался опять лакей.

- В контору вас просят. Господин бухгалтер прислали, – доложил он.
- Скажи, что, как оденусь, приду.

Подпругин, попыхивая сигарой, с гордостью взглянул на расставленное на полках старинное массивное серебро, пощелкал какой-то жбан пальцами и медленно стал удаляться из столовой.

XII

Было уже около часу дня, когда Анемподист Вавилович Подпругин, позавтракав у себя в конторе, подкатил на своем сером рысаке к подъезду дома Поваляева на Калашниковском проспекте. Дом был трехэтажный, но небольшой, и занимался исключительно семейством Поваляева. Бельэтаж с цельными зеркальными стеклами в окнах, и в нем жил сам старик, хлебный торговец, коммерции советник Алексей Порфирьевич Поваляев, с женой-старухой и младшим сыном-студентом. Третий этаж был разделен пополам, и в нем квартировали два сына – один женатый, а другой вдовый. В нижнем этаже помещалась контора, и жили служащие в конторе – кассир и бухгалтер. В контору был отдельный подъезд с улицы. У служащих был подъезд со двора. Подпругин подъехал к большому собственному подъезду Поваляевых, хотел выходить из саней, но из подъезда ему навстречу выскочил швейцар в синей ливрее и фуражке с галуном, и Подпругин спросил его:

– Алексей Порфирьич у себя?

– Сейчас изволили отзавтракать и спустились в контору, – отрапортовал швейцар.

– Пошел ко второму подъезду, – скомандовал Подпругин кучеру и, когда сани подвезли его, вышел из саней.

В конторском подъезде вместо швейцара стоял молодец в черном кафтане со сборками назади, в ярко начищенных сапогах бутылками и в картузе.

– Сам в конторе? – задал ему вопрос Подпругин.

– В конторе. Пожалуйста, – проговорил молодец, принимая с него шубу.

Подпругин вошел в первую комнату конторы. Это была кассовая. За решеткой виднелись кассир, его помощник и артельщик. В этой же комнате стоял большой стол с придвинутыми к нему стульями, на столе лежали мешочки с пробами ржи, овса, гречневой крупы и пшеницы. Двое артельщиков – один в пальто на бараньем меху, а другой в лисьей шубенке нараспашку – присели к столу и считали деньги.

– Там сам? – опять спросил Подпругин, кивнув на другие комнаты.

– В кабинете. Пожалуйста, – пригласил его из-за решетки кассы кассир.

В следующей комнате на высоких табуретах сидели конторщики за конторками и звякали на счетах. На массивных полках стояли громадные книги. Такие же книги были прислонены и на полу около конторок. Артельщик на прессе копировал письма.

– Алексея Порфирьича любопытно бы видеть, – сказал Подпругин, остановясь у одной конторки.

– Сейчас-с. Как об вас доложить? – спросил молодой юркий конторщик в очках.

– Господин Подпругин это, – подсказал ему другой конторщик в густых бакенбардах, сидевший напротив, и тут же отдал приказ артельщику: – Доложите хозяину, что господин Подпругин.

Подпругину это польстило.

– Знаете меня? – улыбнулся он.

– Еще бы. Я когда-то в правлении Балабаевско-Разуваевской дороги занимался.

– Да, да... Часто трафилось там бывать. К этой дорожке мы руку прикладывали.

Артельщик успел уже юркнуть в кабинет, вернулся оттуда и проговорил:

– Пожалуйста. Прсят.

Подпругин вступил в кабинет – небольшую комнату с письменным столом посредине и ворохом бумаг на нем. Тут опять лежали в мешочках пробы хлеба. Тут же за письменным столом сидел высокий кудрявый седой старик с совершенно белой бородой. Рост его казался еще больше, когда он поднялся из-за стола и, протянув Подпругину руку, заговорил:

– Добро пожаловать, добро пожаловать. Каким ветром занесло? По какому делу?

– Приехал с визитом, – отвечал Подпругин, здороваясь. – Заезжал в ваши апартаменты, а там сказали, что в конторе. А я желаю вас видеть лично – вот я и пробрался сюда. Дельце есть маленькое.

– Прошу покорно садиться. Какое дело? – спросил Поваляев.

– Плевое, – сказал Подпругин, садясь. – Насчет домашнего обихода. Задумали мы с женой устроить журфики у себя по вторникам – и вот я поклониться вам, чтобы пожаловали с супругой.

– Не езжу ведь я нынче по вечерам. В двенадцать часов ложусь спать и уж никак не позже половины первого. Так доктора приказали. Я ведь нынче летом ездил за границу, в Карлсбад, печенку поправлять, так вот с осени...

– Ну, один-то раз в неделю можно. Задерживать мы не будем, и к часу всегда можете дома быть. Ужин будет ровно в двенадцать на столе.

– Вот ужинать-то и запретили.

Подпругин развел руками и даже отодвинулся на кресле.

– Алексей Порфирьич, пощадите! Как же у меня мой журфикс без такого крупного деятеля обойдется? – произнес он. – А между тем у меня гости будут все на подбор: генерал Тутыщев, Бутыхов, баронесса фон Дорф, Гвоздь Гвоздевский, Белослонова.

– Стара стала, припадать стала. Не могу... – ткнул себя двумя пальцами в грудь Поваляев.

– Да уж понатужьтесь как-нибудь. Ну, к ужину мы уж вам отдельно что-нибудь легкое: бульону из ершей с греночком. Да ведь и рябчик не вредит.

– Все вредит, что на ночь.

– Нет уж, Алексей Порфирьич, вы, пожалуйста... – упрасивал Подпругин, встал и поклонился. – Навестите мою хату убогую.

– Ужинать-то мне нельзя оставаться, и обязан в двенадцать часов спать.

– Алексей Порфирьич, в крайнем случае вы можете и не ужинать, а так с нами посидеть, партию в винтик вам устроим, с генералами посадим.

– Странный ты, Анемподист Вавилыч... Правильно я? Анемподист Вавилыч?

– Да-да-да... А только уж вы дайте слово.

– Как я могу дать слово, ежели мне доктора запрещают по ночам выезжать!

– Ну, хоть на винтик-то, на винтик, чтобы до ужина только посидеть.

– И винт-то для меня не одобряют. Горячиться не велено.

– Да горячиться не придется.

– А это уж не игра. В том-то вся и игра состоит, чтобы поругаться.

– Алексей Порфирьич, я не уйду, пока мне слово не дадите. А то вдруг к своему-то брату купцу да отказ! Хорошо это?..

– Хе-хе-хе... – тихо рассмеялся Поваляев. – Вот пристал-то!

– Да как же не пристать-то! Хочется, чтобы вы мою хату убогую посмотрели.

– Слышал, слышал я, что на диво выстроился и отделался.

– Да уж, денег не жалел, когда строился. Что жалеть? Господи! Умрем, все равно все оставим, и все прахом пойдет. Так можно надеяться, Алексей Порфирьич?

– Да постараюсь, постараюсь не надолго приехать.

– А там уж мы не выпустим. Ну спасибо. – И Подпругин, протянув ему руку, крепко пожал ее.

Спросив Поваляева, «как дела идут», и получив ответ, что «без дел», Подпругин начал прощаться.

– Теперь к Завзорову заеду. Тоже по этому же делу, – сказал он.

– Кажись, в Москву он завтра едет.

– Ну?! Батюшки! Да что же это такое! А я на него, как на каменную стену...

– Вчера виделись на бирже, так он говорил.

– Не отпустим. Что такое?.. Может и после вторника в Москву-то.

– Так во вторник? – спросил Поваляев.

– Во вторник, – ответил Подпругин и, еще раз пожав хозяину руку, стал направляться к двери.

Хозяин проводил его до двери.

ХІІІ

От Поваляева к Завзорову пришлось ехать Подпругину с Калашниковского проспекта на Васильевский остров. Завзоров и сам жил там, и там же имел свою торговую контору. Подпругин велел кучеру торопиться, но, когда они выехали на Невский, он тотчас же сообразил, что ему по дороге лучше заехать в Заграничный банк, помещающийся близ Невского, и узнать, не сидит ли там в правлении один из заправил этого банка Моисей Соломонович Линкенштейн, и ежели он там, то пригласить и его на журфикс, а уж из банка ехать к Завзорову на Васильевский остров, что и сделал.

Через две-три минуты рысак Подпругина остановился около банка. Подпругин вышел из саней и направился в подъезд.

– Моисей Соломонович здесь? – спросил он швейцара.

– Только что приехали. Пожалуйста.

Подпругин сбросил ему на руки свою шубу и, сняв калоши, направился по лестнице, устланной пробковым ковром, в помещение банка во второй этаж.

Небольшое помещение банка было переполнено публикой. У решеток кассиров стояли артельщики в чуйках и с мешками, пришедшие или положить деньги на текущие счета, или взять их с текущего счета, у столиков для публики сидели клиенты банка, выписывающие чеки или ожидавшие свои расчетные книжки, пока в них запишут вклад. Из-за решеток кассиров и контролеров выглядывали юркие носатые семитического типа конторщики, представляющие резкий контраст с чисто славянскими типами русобородых артельщиков, помещавшихся вместе с ними за решетками. Банк состоял из анфилады комнат, в глубине которой виднелась запертая дверь с надписью золотыми буквами на черной стеклянной дощечке: «Правление». Подпругин подошел к этой двери и сказал стоявшему около нее артельщику:

– К господину Линкенштейну... Скажите, что Подпругин.

– Сейчас доложу... – был ответ.

Артельщик скрылся за дверью, вернулся и отрапортовал:

– Сейчас выйдут. Потрудитесь присесть.

«Фу, черт возьми! Жидюга даже в правленской комнате меня принять не хочет, – подумал Подпругин, и это больно его кольнуло. – Звать ли уж на журфикс-то? Что он о себе, в самом деле, думает? Ну его к лешему! – мелькнуло у него в голове, однако он стал прохаживаться по комнате и наконец присел на стоявшую у стены скамейку с камышовым сиденьем. – Право, не позову. Выйдет он ко мне, а я у него порасспрошу что-нибудь о банковых акциях, что, мол, хочу купить полсотни, так как, мол, дела теперь и стоит ли дать биржевую цену», – рассуждал он.

Прошло минуты три, а Линкенштейн не показывался.

«Пархатый... Еще ждать себя заставляет! – мысленно ругался Подпругин. – Закурю сигару, – решил он. – Что это он меня за просителя воображает, что ли?»

Подпругин вынул из кармана сигару и спички и закурил, а Линкенштейн все еще не показывался.

– Скоро он там? – спросил Подпругин артельщика.

– Не знаю-с... Сказали, что сейчас... С нашим корреспондентом они там, с господином Моргулиенсоном, который заграничные письма пишут.

– Верно ли вы сказали фамилию?

– Вы господин Подпругин. Я вас знаю.

– Пожалуйста, сходите еще раз и скажите, что, мол, так и так: времени не имеет.

– Я не смею-с... Они заругаться могут. Они сказали, что сейчас...

«Нет, каков жидюга!» – мысленно восклицал Подпругин, то вставая со скамейки, то опять опускаясь на нее и нервно затягиваясь сигарой, а Линкенштейн все еще не показывался. Наконец его взорвало.

– Вот что. Я ухожу... Выйдет он, так скажите ему, что мне некогда было больше ждать, – сказал он артельщику и только что хотел уходить, как из комнаты правления вышел Линкенштейн, нагнал его, схватил за руку повыше локтя и заговорил:

– Куда вы? Уходите? Простите, почтеннейший, что заставил вас ждать, но никак не мог бросить очень нужного дела. Большова дела у нас есть, и надо сегодня с курьерский поезд писать об нем в Берлин. Теперь я к вашим услугам... Сядем здесь... Потолкуем.

Линкенштейн указал на скамейку, на которой сидел Подпругин.

«И все-таки в правление не приглашает. О, черт бы его драл, иуду!» – вспыхнул Подпругин и вслух прибавил:

– Да ведь и у меня делов по горло, Моисей Соломоныч, так уж я хотел уходить. Ведь дела не в одних только байках.

– Знаю, знаю, но простите великодушно. Право, был занят по экстренному делу. А теперь я ваш, господин Подпругин. Чем могу служить?

Они оба сели, и в ожидании ответа Подпругина Линкенштейн вытащил из кармана надутый крепкими духами платок и утер крупный красноватый нос, оседланный золотыми очками. Это был довольно отъевшийся еврей с подстриженной бородой на широком лице, франтоватый, с бриллиантовым перстнем на мизинце и тяжелой золотой часовой цепью с массой жетонов на круглом колыхающемся чреве. На совсем уже поредевших спереди волосах он носил волосную накладку.

– Дело, конечно, не из важных, но от кого же и узнать, как не от вас, – заговорил Подпругин. – Хочу купить ваших акций, но они высоко стоят.

– О, мы теперь имеем блистательно дело! – воскликнул Линкенштейн и, спохватившись, сказал: – Да что ж мы здесь сидим? Прошу в правление.

«Ага, догадался, иудино племя!» – подумал Подпругин и сделался мягче.

Они вошли в правление. Правление была большая комната с большим столом посередине, покрытым красным сукном, и четырьмя письменными столами по углам. За одним из них сидел лысый человек тоже еврейского типа и писал что-то на бумаге карандашом.

– Прошу садиться, – отодвинул Линкенштейн от большого стола один из мягких стульев, которыми стол был обставлен со всех сторон, и, когда Подпругин сел, сам опустился на второй стул. – Должен вам сказать, что нам очень и очень было бы приятно иметь вас среди наших акционеров, уважаемый... Виноват... Имя ваше?

– Анемподист Вавилыч.

– Анемподист Вавилыч... Очень труднова имя, но зато самый русский. Очень приятно, Анемподист Вавилыч. Нет лучше, когда акции в твердых руках находятся, а ваши руки твердые, – поклонился Линкенштейн.

– Да акции-то дороги. На бирже-то они крепко стоят.

– Дела хороши. Биржа это знает. Будут еще выше, даю вам слово. А вы вот что... Вы выждете легкое понижение и покупайте, но покупайте не сразу, чтобы не возбуждать биржу, а понемножку, понемножку... Наше дело хорошее, наше дело крепко стоит.

– Ну ладно... – сказал Подпругин, подумал, взялся за свою бобровую шапку, чтобы уходить, и решил: «Черт с ним! Приглашу его на журфикс. Хоть жид, а все-таки банковый туз». – И он прибавил: – А второе дело, по которому заехал я к вам... тоже пустое дело, но... Заехал я вот зачем... По вторникам у меня будут журфиксы в моем новом доме. Я ведь дом новый отстроил.

– Знаю, знаю ваш дом. Говорят, чудеса там натворили.

– Какое! Хижина убога... – улыбнулся Подпругин. – Но все-таки милости просим во вторник вечером... Мы ведь с вами давно знакомы, а вот акционером-то я буду, так уж... Пожалуйста, Моисей Соломоныч. В этот вторник у меня будет совсем хорошее общество. Бутовых хотел быть... Тутыщев...

– Мерси, мерси... Приедем... – протянул еврей. – По вторникам у вас?

– По вторникам.

– Надо записать, чтобы не забыть. – И он сказал по-немецки пишущему за письменным столом лысому жид очку: – Запишите мне на памятном листочке, что господин Подпругин «по вторникам к себе зовет». Хорошо, хорошо, – снова обратился он к Подпругину и прибавил: – Я бывал везде за границей и знаю, как там живут, а потому всегда говорю, что лучше русской гостеприимство в целой Европе нет! Да, я люблю руссково гостеприимство!

Линкенштейн взял обеими руками руку Подпругина и потряс ее. Подпругин взял шапку и поднялся, чтобы уходить.

– Так ждем... – сказал он.

– Ваш гость, ваш гость, – пробормотал еврей и тоже встал.

Распростившись, Подпругин вышел из комнаты правления.

«Жид паршивый! – шепотом выругался он и мысленно прибавил: – Скажи на милость, как иерусалимские-то дворяне тон этот самый задают!»

XIV

Петр Петрович Завзоров, куда Подпругин направил своего кучера, жил на Васильевском острове в наемной квартире и занимал бельэтаж, а помещение для конторы нанимал в другом доме и даже в другой линии. Когда переехали мост на Васильевский остров, Подпругин стал соображать, где ему теперь лучше отыскать Завзорова – дома или в конторе, и решил, что в конторе, так как уж был третий час в начале, когда, по соображениям, Завзоров должен был уже давно отзавтракать. Соображения его, однако, не оправдались. Когда Подпругин приехал в контору, Завзорова там уже не было. Служащие в конторе сказали, что Завзоров поехал домой переодеться во фрак, так как приглашен куда-то на обед, но прежде обеда поедет в какую-то комиссию.

– Незадача... – досадливо почесал у себя за ухом Подпругин и спросил: – Стало быть, я его теперь и дома не застаю?

– Не знаем-с. Впрочем, можно сейчас телефонировать и спросить, дома ли он, и ежели дома, то чтобы подождал вас немного, – дал ответ старший артельщик.

– Пожалуйста, голубчик. По очень, мол, нужному делу.

Артельщик отправился к телефону и через несколько времени вернулся.

– Дома. Подождут. Только просят поторопиться, – объявил он.

Через пять минут Подпругин подъехал к дому, где квартировал Завзоров. У подъезда уже стояла карета Завзорова. Подпругин вышел из саней и стал взбираться по раскрашенной в помпейском вкусе лестнице в бельэтаж. Лакей дал звонок в квартиру. Дверь перед Подпругиным растворилась, и показался лакей в сером фраке с серебряными пуговицами.

– Петр Петрович у себя? – спросил Подпругин.

– А вы господин Подпругин? – задал, в свою очередь, вопрос лакей.

– Вот, вот...

– Только вас и ждут. Хотели уезжать уж, но про вас по телефону сказали.

Подпругин быстро сбросил с себя шубу и направился в комнаты. Там в нарядной, но небольшой гостиной, сплошь устланной мягким ковром, его уже ждал Завзоров. Завзоров был крупного роста мужчина в золотых очках, с седыми бакенбардами в виде рыбьих плесов. Он был во фраке и белом галстуке и отнюдь не смахивал на купца.

– Милейший Анемподист Вавилыч! – воскликнул он, растопыривая руки при входе Подпругина. – Какому счастливому случаю я обязан, что вижу вас у себя, мой достоуважаемый?

– Дельце есть одно важное, Петр Петрович, хе-хе-хе... – пробормотал с легким смехом Подпругин. – Здоровьице ваше как?

– Как будто и здоров, но подагра... Стал лечиться гомеопатией – и вот чувствую облегчение, а то три дня никуда не выходил и на биржу не заглядывал.

– Подагра... Это насчет ног, кажется?

– Нога, нога... У меня одна нога... Правая... Но я свою подагру не нежу... разве уж очень приспичит, а то все на ходу и на езде. Вот и сейчас еду в одну комиссию при Министерстве финансов. В качестве сведущего человека вызывают. А оттуда на обед к англичанину Естердай... Знаете, представителя фирмы «Томсон Говард и компания»? Так вот, к нему. Нельзя не ехать – дела делаем. Однако что же это я? Прошу покорно садиться.

Завзоров усадил Подпругина, сам сел и вопросительно стал смотреть на него, что он скажет. До сих пор Завзоров и Подпругин домами знакомы не были, а потому Завзоров и ждал от Подпругина только делового разговора, но Подпругин отдулся и произнес:

– Визит вам приехал сделать, Петр Петрович.

– Батюшки! Так вот вы зачем... Очень рад, очень доволен, очень благодарен.

Завзоров хотел быстро подняться со стула, но тотчас же схватился за ногу и проговорил:

– Вот она, проклятая... Нет-нет да и даст себя знать... Очень рад, очень рад, – проговорил он снова и протянул Подпругину обе руки.

– Приехал визит вам сделать и попросить вас пожаловать ко мне во вторник на журфикс. По вторникам мы с супругой задумали... – рассказывал Подпругин. – А то живешь, живешь, и никакого около тебя хорошего общества нет. Так вот я за этим и приехал. Во вторник, Петр Петрович. С этого вторника начинаем.

– Очень вам благодарен, милейший, сочту за честь побывать у вас.

– Вы уж в этот вторник, Петр Петрович, – настаивал Подпругин, – потому хорошее общество у меня соберется. Бутыхов Кирилл Львович... Изволите, я думаю, знать.

– Как не знать! Большая птица теперь в министерстве, а только в нынешний-то вторник...

– Нет уж, пожалуйста, без отговорок.

– Да я в воскресенье или в понедельник собираюсь в Москву дня на три съездить.

– Что Москва! Москву можно и отложить. Москва не сбежит, все на том же самом месте останется.

– Москва-то не сбежит, да дело-то...

– И дело не медведь, тоже в лес не сбежит. Генерал Тутыщев тоже обещался быть.

– С этим не знаком.

– Тоже большая птица. В пяти-шести губерниях губернатором был, а теперь вот по благотворительной части в разных местах. Нет, Петр Петрович, я уж с вас слово беру, что вы приедете в этот вторник.

– Ежели не уеду в Москву – к вашим услугам...

– Да бросьте вы Москву... Я жду, жду... И с супругой прошу... потому у меня и баронесса фон Дорф будет, Анна Львовна... Знаете?

– Да как не знать! А с женой моей я вас сейчас бы познакомил, но она в Гостиный двор уехала... Знаете, бабье дело...

– Жену пришло, жена моя приедет, познакомится с ней и отдельно пригласит ее. А только уж в этот вторник, пожалуйста... и вместе, потому хочу, чтобы все вкупе собралась, – не отставал Подпругин. – Гвоздь Гвоздевский будет.

– Много гостей все равно не соберете, – отвечал Завзоров. – Не прививаются эти журфиксы, не любят их. Вот у меня, например. У меня в прошлом году пятницы были... Но что же? Знакомство у меня большое, а приедут пять-шесть человек, так что даже и двух столов в винт не составишь. А готовишься на двадцать человек. Ведь нельзя же без ужина оставить, а ужин надо приготовить. Бились, бились мы с женой и бросили. Теперь только по приглашению. Зову обедать, зову иногда вечером.

– Нет, уж я порешил, – махнул рукой Подпругин и поднялся со стула, чтобы уходить. – Так во вторник, – сказал он еще раз.

– Постараюсь, ежели не уеду.

– Нет, нет, я слово беру. Ну, будьте здоровы.

– Уходите? И я с вами... – поднимаясь со стула, произнес Завзоров и взялся за шляпу, которая была приготовлена на столе. – Опоздал и так, – прибавил он, идя вместе с Подпругиным в прихожую, и по дороге нажал кнопку электрического звонка, извещая прислугу о своем уходе. – Заседание назначено в три, а уж теперь три. Надо ведь тоже доехать. Только для вас и остался, когда по телефону сказали, а то ни для кого бы. И то неучтиво заставлять дожидать себя в министерстве.

Они оба вышли в прихожую, и оба надели шубы. Лакей отворил им дверь.

– Напомни барыне, что я не обедаю дома, когда она вернется, – отдал приказ лакею Завзоров. – Может быть, и к вечернему чаю не вернусь. Чтобы не ждали.

– Слушаю-с.

Они сходили с лестницы.

- Хижину мою убогую знаете? – спросил Подпругин Завзорова.
 - Еще бы, о ней в Петербурге говорят.
 - Так себе, простенькая...
 - Ну-ну... Пожалуйста.
- Завзоров пустил сесть в сани Подпругина. Подпругин сел и крикнул:
- Так во вторник! Жду без отговорок.
- Рысак помчался.

XV

Едучи с Васильевского острова от Завзорова, Подпругин свернул в магазин серебряных вещей Овчинникова, чтобы посмотреть, нет ли в изготовлении какой-нибудь особенной вазы для фруктов и для чего-либо иного, которой бы он мог, купив ее, удивить своих ожидаемых во вторник гостей. Войдя в магазин, он осмотрел все витрины и не нашел ничего подходящего. На вопрос же приказчика, что именно ему нужно, отвечал:

– Да так, что-нибудь такое, чего у других нет, такое, чтобы удивить можно было.

– Такого ничего нет, – сказал приказчик, – но вы заказать можете, что вам угодно.

– Что я вам закажу, ежели я и сам не знаю, что мне нужно! Нужно вазу, но всяких ваз у меня достаточно есть, а я думал, нет ли какой особенной.

– Позвольте вам рисунки предложить, и вы закажете.

– Мне ко вторнику нужно, а вы говорите: «Закажете»! – рассердился Подпругин и вышел из магазина. – На Моховую! – скомандовал он кучеру.

На Моховой жила баронесса фон Дорф. Подпругин подъехал к подъезду и подал подбежавшему к нему швейцару свою карточку.

– Баронесса принимают, – сказал швейцар.

Подпругин хотел выходить из саней, но, вспомнив, что у баронессы будет, а может быть, и была его жена, проговорил, завертывая уголок:

– Все равно подайте карточку.

«Ну, теперь к Белослоновой, и, кажется, всех, кого нужно, объехал», – подумал он и поехал к Белослоновой.

Белослонова жила на Сергиевской, близ Таврического сада.

– Дома Екатерина Савельевна Белослонова? – спросил Подпругин швейцара.

– У себя-с, но сегодня они не принимают. Не совсем здоровы.

– Что такое с ними?

– Не могу знать-с. Вчера выезжали, а сегодня приказали всем отказывать.

– А супруг?

– Его превосходительство Полиевкт Павлович на случае.

– Ну так вот передайте Екатерине Савельевне карточку.

Подпругин вынул карточку, загнул уголок, передал ее швейцару, отъехал уже от подъезда, но опять вернулся и передал швейцару вторую карточку, сказав:

– Передайте уж две.

Дело в том, что Белослоновой Подпругин был знаком по благотворительным обществам, где приходилось часто встречаться с ней, с самим же Белослоновым знаком он не был, хотя и знал его в лицо.

«Все равно, – подумал он, – поймет, в чем дело. А замужней женщине подавать в дом одну карточку как будто и неловко».

Домой Подпругин вернулся в начале пятого часа. Жена была уже дома. Не переодеваясь, он прошел на ее половину. Она только что успела снять с себя визитное платье и сидела в широком капоте, просматривая какой-то иллюстрированный журнал и украдкой погрызывая кедровые орехи, которые вынимала из кармана.

– Опять за орехи! Сколько раз я тебе говорил, Ольга Савишна, чтобы ты их оставила! – проговорил он, покачивая головой.

– Да ведь я одна. Меня никто не видит, – отвечала она, несколько покраснев.

– Ах, боже мой! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты эту еду бросила!

– Что ж поделаешь, коли я ее люблю.

– Да не подходит это тебе, мать моя. Не так мы живем. Ну, ешь ты конфеты, сколько в тебя влезет, кушай шоколад.

– А вот именно конфет и шоколаду-то я и не люблю.

– Э-эх! – крикнул Подпругин и, колыхая чревом, присел против жены.

– Да что тебе... Оставь ты меня в покое... Ведь я не при людях... Я по секрету... – сказала она.

– Горничная видит – и то нехорошо.

– Да что тут такого постыдного? Ровно ничего нет. Вот если бы подсолнухи...

– Еще бы ты подсолнухи!..

Ольга Савишна улыбнулась. По секрету она сегодня и подсолнухов уж погрызла. Она собрала ореховую скорлупку, поднялась и кинула ее в камин.

– Ну, я всех объездил, кого нужно, – сказал Подпругин, успокоившись. – Обещались быть во вторник. Почти все обещались. Только Завзоров немножко заупрямился. В Москву едет. Но я его просил остаться до вторника, и он, наверное, будет. Завтра тебе придется съездить к его жене с визитом. Я дам адрес.

– Ох! – сделала гримаску супруга. – Опять? И как я это не люблю!

– Нельзя же, мать моя... Надо заводить знакомства. Что же будет хорошего, ежели во вторник Завзоров приедет один? Нам нужно и дам.

– Ах, зачем ты эти журфиксы затеваешь!

– Поезжай, поезжай. Я не знаю Завзорова жены, сейчас я был у него, а ее дома не было, но все-таки Завзоров – наш брат Исакий, из купцов, и с его женой ты можешь свободнее разговаривать, чем с баронессой и Белослоновой. Может быть, и на дружбу сойдетесь. Ну что же: была ты у баронессы?

– Была. И сто рублей ей на приют поднесла. Очень благодарила, наговорила кучу любезностей... – отвечала Ольга Савишна. – Но, представь себе...

– Во вторник-то приглашала ее к нам? – торопил жену Подпругин. – Ну, как она?

– Представь себе, она не может по вторникам...

– Да что ты врешь! – воскликнул Подпругин и быстро поднялся со стула.

– Не может, – продолжала Ольга Савишна. – У ней у самой вторники, по вторникам у ней у самой гости.

Подпругин выпучил глаза.

– «С удовольствием бы, – говорит, – мадам Подпругина, но у меня у самой в этот день собирается маленькое общество», – продолжала она.

– Господи! Да что же это такое! – воскликнул Подпругин и схватил себя за голову. – То есть только в этот вторник у ней будут гости или во все вторники? – спросил он.

– Во все, во все. Каждый вторник у ней гости. Вторник – ее журфикс.

– Зарезала, совсем зарезала!

Подпругин в волнении забегал по комнате. Он чувствовал, что на лбу его выступил обильный пот.

– Господи боже мой! Что же это такое! Я всех объезжаю, всех приглашаю к себе на баронессу по вторникам, а ее-то и не будет! Ведь это зарез, чистый зарез.

– Ну вот... Я уж не виновата. Нужно было прежде у ней справиться. А то ты, не спросясь броду, сунулся в воду.

– Ужас, ужас что такое! Да нельзя ли будет ее просить переменить как-нибудь или хоть на этот вторник отменить?

– Лучше же тебе переменить.

– Как я могу переменить, ежели я упросил всех на вторник, всем объявил, что по вторникам! И Кирилла Львовича Бутыхова, и генерала Тутыцева, и Гвоздь Гвоздевского... Да всех-всех-всех. Однако...

Подпругин перестал шагать и уже стоял в каком-то ошалении и чесал у себя в затылке.

– Баронесса говорит, что у ней сколько уже лет подряд по вторникам общество собирается и все привыкли к ее вторникам, – рассказывала жена. – Она мне прямо говорит: «Когда угодно, мадам Подпругина, я буду у вас, но кроме вторника. Так и мужу вашему скажите».

– Скандал, скандал! Совсем скандал... – сказал Подпругин. – Нужно переменить вторник. Без баронессы нельзя. Ведь это все равно что ужин без сладкого блюда. Позвольте. Да ведь и Белослонова, стало быть, будет бывать по вторникам у баронессы, а не у нас.

– Да уж само собой, потому что они подруги. У Белослоновой я только карточку оставила. Она нездорова, – сообщила Ольга Савишна.

– Знаю, знаю... Я сам у ней был и тоже карточку оставил. Ей и мужу оставил. Но вот насчет баронессы-то... Ах, беда, беда! Совсем беда! Надо поскорей посоветоваться с Алтунским, – проговорил Подпругин и стал звонить прислугу, чтобы узнать, дома ли полковник Алтунский.

XVI

Полковник Алтунский был не только дома, но даже в квартире Подпругина. Вошедший на звонок лакей доложил, что «они уже с четверть часа дожидаются Анемподиста Вавиловича в кабинете».

– Одевайся ты, мать моя, скорей к обеду и приходи к нам, – сказал Подпругин жене, уходя из ее комнаты.

– Я так и обедать хотела. Ведь никого постороннего не будет, – отвечала Ольга Савишна.

– А Алтунский-то? – обернулся к ней муж.

– Ну что Алтунский! Алтунский – свой человек, да я его и за мужчину не считаю.

– Не по правилам, не по правилам действуешь. Ведь уж постановили, чтобы к столу в развращенном виде не выходить, – произнес Подпругин и направился к себе в кабинет.

Там его встретил Алтунский, покуривавший сигару.

– Ну вот... Что это ты там с женой наговориться не можешь! А я сижу здесь и с полчаса тебя жду, – сказал он входившему Подпругину и подал ему руку. – Арап, которого ты просил нанять в лакеи, уж на месте.

– Что арап! Черт с ним, с арапом! У меня хуже есть несчастье! – ответил Подпругин.

– Что такое стряслось?

– Анна-то Львовна фон Дорф, оказывается, не может по вторникам у нас бывать. У ней у самой по вторникам гости. Такой же журфикс, как и у меня. А я всех к себе во вторник пригласил.

– И это ты называешь несчастьем? Без нее обойдемся.

– Как без нее? Да я на нее-то только и звал гостей! – воскликнул Подпругин. – Пойми ты, не будет Анны Львовны – меня за лжеца, за хвастуна сочтут.

У Алтунского на языке так и вертелось, что «тебя, мол, и так все за хвастуна считают», но он сказал:

– Не зови другой раз того, от кого еще не узнал, может ли быть он у тебя.

– Действительно, надо бы прежде у нее спросить, – согласился Подпругин. – Но черт меня сунул! Я всех, всех звал и всем говорил, что у нас баронесса фон Дорф будет. Несчастье, несчастье!

Алтунский покачал головой.

– Вот уж именно, что люди с жиру бесятся, ежели такое дело считают за несчастье, – проговорил он. – На что тебе баронесса?

– Как на что? Эдакая птица, да на что! В ее руках половина приютов, больница... Ах, что ты говоришь, Максим Иваныч! Неужели ты не знаешь, что через нее все делается? Нет, без баронессы уж что за журфикс! Фасону не будет. Посоветуй, что тут делать.

– Обойдись в этот вторник без нее, ежели уж гостей назвал, а потом и сообщишь гостям, что переменяешь день.

– Нет, это невозможно! Нужно, чтобы хоть первый-то вечер были все на подбор. Помилуй, ведь я звал всех, словно по нотам. Каждого гостя пригонял друг к другу. По-моему, нужно переменить день сейчас же.

– Можно и переменить день. Только боюсь я, чтобы путаница не вышла. Помнишь ли ты всех, кого приглашал?

– Как же не помнить. В лучшем виде помню. Только неужели опять по всем Христа славить и объявлять, что вот так и так переменяется?

– Можно и записки разослать. А кого встретишь до вторника – на словах подтверди, – отвечал Алтунский.

– Голубчик, напиши сейчас эти записки. Составь, сообрази поумнее, – бросился к Алтунскому Подпругин. – Ты составишь, мы это напечатаем на карточках с золотым бордюром и разошлем. Ах, ах, и как это я не сообразил раньше!

Подпругин схватился за голову.

– Не горячись, не горячись. Дело поправимое, – успокаивал его Алтунский, подсел к письменному столу и, придвинув к себе бумагу и взяв перо, спросил: – Ты на какой же день переменить хочешь?

– Боже мой! Да мне все равно, только бы все могли собираться у меня.

– Так на четверг, что ли?

– Пожалуй, хоть и на четверг.

– Смотри, ведь и с четвергом может случиться, что у кого-нибудь из твоих гостей у самого будут гости.

– Да, да... Что тут делать? Кругом вода... – развел руками Подпругин. – Впрочем, кого я звал, мне никто про четверг ничего не говорил. Генерал Тутыщев – этот холостой...

– Да ведь и у холостых бывают гости. Вот я, например, вдовец, а гостей к себе зову.

– Да, да... Впрочем, нет. Какие у Тутыщева могут быть гости по вечерам, ежели он каждый день в клубе! Вот разве у Бутыхова?... Кажется, он мне про четверг ничего не говорил. Кроме того, ведь может быть по четвергам и заседание какой-нибудь комиссии.

– Из комиссии то можно все-таки хоть попозднее приехать, а от гостей уж не урвешься из дома. Ну, я составлю все-таки так, что, мол, со вторника переносится на четверг. Согласен? Ведь уж ежели так разбирать, то никакого дня в неделе не найдешь. Всегда у кого-нибудь какой-нибудь день да будет занят. Четверг? Я пишу, – повторил Алтунский. – Тебе ведь главное, чтоб только баронесса могла бывать?

– Да, баронесса, – ответил Подпругин. – Но мне и Бутыхова нужно. Не приедет Бутыхов – тоже будет зарез, потому я на Бутыхова звал. Это, брат, звезда, и каждому гостю лестно с ним у меня повстречаться. Это заманка для других.

– Так со вторника на четверг...

Перо Алтунского записало.

– Ты вот как, Максим Иванович, пиши, – сказал Подпругин. – «Так как, мол, оказалось, что у баронессы Анны Львовны по вторникам у самой собираются гости, то, мол, Анемподист Вавилыч и Ольга Савишна Подпругины»...

– Ну, уж это неловко. Это ты на словах можешь своим гостям сказать, – перебил его Алтунский и прочел: – «Анемподист Вавилович и Ольга Савишна Подпругины, извиняясь, что они должны переменить день»... Нет, это нехорошо, – решил он и, захерив написанное, начал вновь.

– Не объездить ли всех вторично? Уж куда ни шло! – предложил Подпругин.

– Постой, – сказал Алтунский, продолжая писать, и опять прочел: – «По непредвиденным обстоятельствам Анемподист Вавилович и Ольга Савишна Подпругины должны переменить их обычный день для приема по вечерам дорогих гостей со вторника на четверг и покорнейше просят попомнить их четверги и не отказать пожаловать к ним в эти вечера чаю откусать». Ужасно это неловко писать, но уж что делать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.